

Светлана Громова

*О МНОГОМ
и о главном...*

Сборник рассказов

Светлана Громова

О многом и о главном...
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Громова С.

О многом и о главном... Сборник рассказов / С. Громова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852560-5

В этом сборнике собраны рассказы на самые разные темы, о чем, собственно, и говорит название этой скромной книги. И, разумеется, они о Главном — о Любви. Во всех её проявлениях — о любви к Родине, к женщине, к природе, к животным, к жизни...

ISBN 978-5-44-852560-5

© Громова С.
© Издательские решения

Содержание

Груня	6
I	6
II	9
III	11
IV	15
V	17
Картинки в зеркалах	19
Когда сбываются мечты...	32
Нюрка	38
I	38
II	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

О многом и о главном...

Сборник рассказов

Светлана Громова

© Светлана Громова, 2017

ISBN 978-5-4485-2560-5

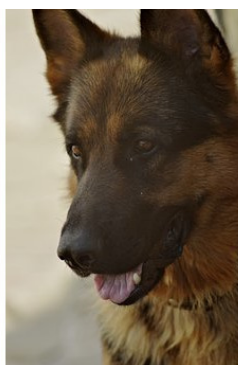
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Груня

I

Тяжелый сегодня день. Утомилась сильно. «Городок», «полоса препятствий», «большой город»... «Большой город» особенно вымотал. Вот, лежу, отхожу, так сказать. Как там, у Шарика из Простоквашино? «...Лапы ноют... Хвост отваливается...» Ой, прошу прощения, Meine Damen und Herren! (дамы и господа), entschuldigen Sie bitte, (извините пожалуйста), как говорила моя бабушка, я же не представилась! Гербертина Лизи Лотта Люстикхоф фон Артик Кетер Ирке Ли Анне. Длинновато, конечно, но что поделаешь – предки. Но товарищ полковник, Сергей Юрич, мой обожаемый, мне сказал:

– Так, дорогая фрау Гербертина Лизи Лотта, Люстикхоф фон Артик Кетер Ирке Ли Анне, немецкой породы овчарка, мы с тобой кто? Мы с тобой – спецназ... Причем спецназ ГРУ... Так или нет? Так... – и посмотрел на меня, улыбаясь. Какая к чертям собачьим (не поняла только, причём тут наши черти?) фрау Листик...Люстик... тьфу ты, язык сломаешь, короче, Груня ты, ясно излагаю?

– Так точно, – должна была ответить я, но так как иностранным, то есть, человеческим языком, увы, не владею, отвечала по своему: «у-у-ум». Мой ответ товарищ полковник, думаю, понимал правильно. Так что я теперь просто Груня, несмотря на своё высокое благородное происхождение и длинную родословную. Впрочем, происхождение – это ерунда, согласитесь. Знала я собак «дворянской» породы, ну, то есть дворовой, которые фору давали та-А-Аким маститым представителям нашей собачьей братии, с та-А-Акими родословными, что просто нет слов, господа и дамы, чтобы выразить восторг и восхищение! Впрочем, кажется, я отвлеклась...

Обожала (и продолжаю это делать) я своего Сергея Юрича до одурения. Между нами, девочками, говоря, так нельзя. Чувства – чувствами, но не до фанатизма же! Впрочем, не обожать его ну просто совершенно невозможно!! Не понятно моей душе, как это его не обожать!?! Впрочем, вы, люди, вряд ли это поймёте. К сожалению, вы думаете, что у нас, у собак, души нет, и живём мы одними инстинктами. Ну да, разумеется, куда ж от них, от инстинктов то денешься, а только душа – вот она, тут, и ноет... Чего ноет, спросите? А отдал меня мой дорогой товарищ полковник! Отдал!! Вот сюда, вот в эту... как её... школу что ли... Ну, да, спецназ он и есть спецназ... Я же спецназовская собака и должна повышать, так сказать, квалификацию! А то я дура дремучая и не понимаю, что теперь всё будет по-другому. Всё! И самое страшное – будет новый хозяин! Я – на спецподготовке собак-проводников в подмосковном

уютном местечке, Купавна называется. Я ещё, как любят говорить наши инструктора, полупроводник, хотя здесь уже пятый месяц. Совсем скоро – выпуск, а не сегодня завтра и встреча с новым хозяином. Боюсь? Ни кота (в вашем смысле: ни черта), но немного тревожно. Как мы с ним (а вдруг с ней?!) сойдёмся характерами, понравлюсь ли я ему, а он мне? Вопросов – куча, ответов – ноль. Товарищ полковник как мне перед отправкой сюда сказал?

– Товарищ Груня, – сказал – задание трудное, а ответственность какая! Я ж тебя, и ты это знаешь, никогда и никому не отдал бы! Но тут дело такое.... Да что говорить.... Сама всё поймешь.... И не подведёшь.... Знаю... Ты ж у меня не умница, а УМНИЦЕ! Уж я на тебя. ...Как на самого себя... Короче, рассчитываю... Ты же у меня тоже спецназовец! – и лапу соответственно моменту торжественно пожал.

А между прочим, братья меня сначала не хотели. Причём наотрез. Я-то уже собачью науку проходила, не щенок-сосунок, у меня послушной списочек-то имеется. ОКК (общий курс дрессировки), даже курс ЗКС (защитно-караульной службы) проходили-с. Как некоторые люди говорят: «Плавали – знаем!» И тут и выяснилось, что у собаки-поводыря должна быть на редкость устойчивая психика и полностью отсутствовать агрессия. А я-то проходила... ой, мама дорогая, да чего только я не проходила! А тут на агрессию поставлен полный запрет, а как же «Взять», ну или «Фас»? Я в недоумении так и села: «Ничего себе!» Даже мой товарищ полковник растерялся в первый момент. Я так понимаю, что он не ожидал подобного поворота. А я чё? Да ничё. Сижу себе, по сторонам тихонечко поглядываю, хвостиком ни-ни! Замерла как вкопанная, не собака – статуя! Только ушки на макушке наострила. А Сергей Юрич приказал мне сидеть и ждать, а сам уединился в кабинетике с женщиной, которая нас так сразу и резко хотела отсюда отправить восвояси. Ой, уж и не знаю, чего он там ей говорил, как он её убеждал, впрочем, если честно, большую часть разговора я слышала, конечно, из-за закрытой двери, слух-то у меня отличный. Одним словом, умеет товарищ полковник убеждать. Меня приняли с двумя условиями: первое – я пройду все тесты не только обычные, для всех, но и ещё какие-то специальные. Да пожал-л-ста! Мне это на раз-два, ну, а второе – мой будущий хозяин должен будет подписать какую-то бумагу. Ну, это уже не мои проблемы – это к Сергею Юричу: кто там чего должен подписывать. Моё дело собачье. Тест был до того простой, что я в полном недоумении: и чего огород городить? Пошли мы с дрессировщиком в толпе людей: я не должна проявлять агрессии. А на кота они мне сдались? Ну, походили, походили, я даже ухом не веду. А инструктор радуется. Чудной... Я ж – спецназовец, выдержка ого..го. ... Поводили вдоль дорог. Машины разные. И едут которые, и припаркованные. Идём себе обратно на площадку. Вдруг над ухом «Бум!» – из стартового пистолета. Ну, господа инструктора, вы даёте! Детский сад какой-то! Если б умела, лапой бы по лбу постучала. А так... иду себе, иду. Ухом не повела, мордой не покрутила. Естественно, чуть вздрогнула, неожиданно же всё-таки, но самую малость. Выпускают кошку. Ну, кошка, ну, сволочь, ну и что? Абсолютное равнодушие... Меня же учили! Товарищ полковник учил, и ребята-кинологи.... Вздохнула, иду дальше.... Ещё чего придумаете? Натё, здрасте, выбегает какой-то человек, руками машет, кричит, на инструктора чуть ли не наскакивает. Я глазками вправо, влево – инструктор молчит. Ни «Фас» тебе, ни «Голос», ни «Взять», ни жеста, чтобы я поставила на место этого непонятного товарища. Стою, смотрю, ну и дальше чё? Дёрнул за поводок, вперёд значит. Иду вперёд, человек этот кричит, наскакивает. Я повернулась, зубки оскалила, рычать? Зачем? Будет команда и без рычания вот за эту ручку так тихохонько – хряц! Идём дальше. Человек отстал. Инструктор доволен. Потрепал меня по загривку. И вот это тест? Ерунда это, а не тест!... Но они, конечно, молодцы. На последнем этапе всё же заставили меня немного понервничать. Маршрут известен. Идём. Инструктор мне говорит: «Домой!» Домой так домой, поворачиваю. А инструктор направление шлейки задаёт другое. Вот тут я и растерялась. Мысли забегали, сразу сосредоточиться не получается. Говорит «Домой» – значит, это направо, а задаёт поворот влево. Ну и куда мне?

Одна-а-а-ко... А он улыбается, доволен, что сбил меня с толку, как бы тест не завалить!

«Домой!» – опять команда и дёрг поводок в другую сторону. Была не была! Рассуждаю: сказано же «Домой!»! Сказал бы «вправо», а дернул влево, я бы поняла, просто спутал, а тут «Домой», а указывает в другом направлении. Нет уж, домой так домой. Веду. Сердце – бух... бух! Ну, как? Справилась? Инструктор треплет по загривку: даёт понять, какая же я всё-таки умница. Да кто б сомневался! Короче, с тестом я справилась, оправдала так сказать, оказанное Сергеем Юричем высокое доверие. Трудно ли было учиться? Трудно... Но тяжело в учении – легко в бою, как говорил мой Юрич. Ведь основная задача собаки-поводыря, чтобы человек не ударился, нигде не оступись, не споткнулся, не упал. Ведь тут всё наоборот – мы подаём команды человеку: «Опасность!». «Стой». «Идём прямо». Или вот еще команда: «Впереди дорога». А вот эта: «Заходим в автобус». А в автобусе, как положено: давка, и наступают и на лапы, и на хвост, и сумками прямо по морде, и могут не только меня, но и хозяина «облаять». А ты на службе – лаяться в ответ не моги! Вот и стараешься корпусом отеснить того, кто слишком напирает на хозяина. И сохранять при этом невозмутимость и сосредоточенность – я веду своего человека! А в «большом городе» сколько искушений! То из сумки торчит батон колбасы, то погладить пытаются, то симпатяга какой-нибудь подбежал знакомиться, виляя хвостиком... Одним словом, всякое бывало... Но ведь на то и курсы повышения квалификации. Слышала тут, что поводырь – это самая-самая высокая ступень обучения нас, любимых. Горжусь теперь конечно, не скрою, что уж скромничать. Грешна-с, люблю быть всегда во всем первой! Ох, кошкин хвост не оттуда рос, скоро встреча с новым хозяином. Волнуюсь, аж шерсть дыбом. Как оно будет, а?

Мне, честно говоря, тут нравится. А что? Харч отменный, общество очень даже приличное, мой инструктор Ирина – такая «душка». Ой, вот к ней бы жить пошла! Хорошая она у меня. Мы сразуладили. Это называется – «любовь с первого взгляда»! Трудно будет расставаться, но я же понимаю, встретимся ещё раз вряд ли. Хотя кто знает, кто знает...

Ой, ладно, уморила наверное вас своей болтовнёй. Извините великодушно. Отбой. Завтра у меня трудный день. Спокойной ночи. А-а-у...

II

Ирочка видит моё волнение, суёт лакомство, пытаюсь успокоить. Да я спокойна, как... ну как не знаю кто! Спокойная... Кажется... Он войдёт... Вот прямо сейчас и войдёт! Сердце в лапы – бух! У-ф-ф... И вот он вошёл. Я сижу. Смирно сижу. Только пару раз не удержалась, хлобыстнула хвостом по полу. Иринка сразу гладит меня, гладит.

– Спокойно, Груня, знакомьтесь... Это Игорь Борисович, твой новый хозяин...

Я в растерянности в первый момент! И радостно, и страшно, и ещё кот знает какие чувства, все сразу!

– Да мы знакомы немного, – голос его приятного тембра. Сильный такой, глубокий. Конечно, знакомы. Правда, совсем чуть-чуть. Игорь Борисович – один из друзей моего ненаглядного полковника.

Фу ты, кот облезлый, ну ты, Груня, и дурёха! Вот тебе и ответственное задание, и доверие... Дошло, наконец? Ну, то-то же... Ну, кому же мог Сергей Юрич доверить своего драгоценного Борисыча, как не мне? Глупая ты ж, однако, фрау Гербертина Лизи Лота и так далее, не могла сразу догадаться! Свои...

Я подошла к Борисычу, молча сунула ему нос в руку. Его рука была приятной, правда запах табака шибанул, конечно, но мне ли привыкать? Он погладил меня по голове.

– Здравствуй, Грунечка, узнала?

Чего ж не узнать-то, память у меня хорошая, не жалеюсь.

– Ой, как здорово! – обрадовалась Ируся, – Я не знала, что вы знакомы... Так за Груню переживала, она у нас умница, но первое знакомство всегда для собаки волнение и немного стресс... Правда для нас, инструкторов, наверное, даже больше, чем для них... – она ласково потрепала меня по холке. – Правда, Грунечка?

Да, правда, правда... Я лежу у ног Борисыча, положив голову на лапы. Душа спокойна-ая, умиротворённа-ая и тихо себе напевает:

«Полковник спецназа с холодным лицом,

налил полстакана и выпил,
полковник спецназа был лучшим бойцом
в команде с названием «Вымпел»...»

III

Жить мы две недели будем с Борисычем в трехкомнатной квартире стандартной планировки: узкий коридор, ванная, туалет, кухня – всё, как будет, видимо, и в действительности. Борисыч будет слушать лекции о жизни собак, потом – совместные тренировки: «городок», «выход в город». У него ещё и спецзадания: накормить меня, любимую, причесать, даже лапы мне помыть – этому тоже он должен научиться. Потом вместе сдаём экзамены. Первый из них с инструктором, второй – самый серьёзный – будем сдавать вместе с Борисычем... Нас приехал навестить Сергей Юрич. Я гордо ворочу морду. Делаю вид, что обижена, хвост, правда, предатель, тут же выдаёт мои настоящие чувства. Ну, вот, чего уж теперь притворяться.... С удовольствием облизала ему всё лицо. Пытается отбиваться от меня... Ну-ну...

Экзамен мы сдали на отлично и вот мы и дома у Борисыча. Скромненько живёт, надо сказать, мой новый хозяин. Комнаты, правда, большие такие, просторные. А вот мебелишки маловато будет. Да мне то что, мне всё равно, наоборот лучше – простор. Лишний раз не наткаться. Да и Борисычу так легче. Он, конечно, дома ориентируется отлично. Я ему тут и не помощница, сам прекрасно обходится. Интересно, что ж случилось-то с ним? Когда я его видела, ещё у Сергея Юрича, с ним всё в порядке было. И зрение ого-го-го. Дурачились на отдыхе мужички, стреляли по консервным банкам, что-то вроде соревнования устроили, так он даже товарища полковника «обставил». А теперь вот что-то стряслось... Чёрные очки, белая трость... Ну и я со своим «камуфляжем»: кожаная шлейка с жесткой дугой и на белом овале красный крест и надпись – «Собака – проводник слепого». Да нет, читать я не умею, просто слышала, что именно это написано.

Живёт Борисыч один. Мне от этого, если честно, лучше. Меньше проблем. А вот как ему, не знаю. У моего полковника и жена, и доченька Любаня имеется, правда, она уже взрослая, живёт отдельно, к нам иногда приезжала со своим мужем. Муж мне решительно не нравился, и я всегда уходила на балкон, когда они у нас гостили. Чем не нравился? Да кот его знает. Не нравился и всё.

Жизнь наша с Борисычем пока особым разнообразием не отличается. Маршруты: «аптека», «магазин», «почта», «сквер». Подать могу всё: трость, поводок, ключи, газету, ботинки, ну, ещё шнурки могу развязать... Мы друг к другу быстро привязались. Он классный у меня! Конечно, я люблю своего товарища полковника, но Борисыч... он... он... Ну, не знаю... Слов нет...

У Борисыча, оказывается, тоже есть жена. Вернее сказать, была. Потому что пришла и ушла. Лучше бы вообще не приходила. История такая нехорошая вышла. До сих пор вспоминать тошно...

По человеческим меркам она, наверное, красавица. А по мне так ничего особенного. Позвонила. У нас как всегда не заперто. (Борисычу, по-моему, до лампочки: заперто у нас или нет, а меня это немного напрягает). Вошла. Ну, тут, естественно, я. Выхожу из спальни посмотреть, кого это к нам принесло. Она застыла, конечно. Ойкнула.

– Кто там, Груня?

– Женщина... – отвечаю довольно нелюбезно, по-своему, конечно, на что она ойкает ещё громче. Он, наверное, узнал её по голосу.

– Груня, место... Лариса, это ты? – вышел из кухни Борисыч.

Я поплелась на место. Вот так всегда, как что-то интересное, вали, значит, отсюда... Ну, люди... Ведь к нам женщины не каждый день заходят. Бессовестный ты всё-таки, Борисыч... – так проворчала я и ушла к себе.

Таким образом, начало разговора я не слышала. Я поняла, что что-то не так по голосам, которые становились всё громче и громче. Они о чём-то спорили. Женский голос всё чаще

срывался на крик. «Это уже совсем не порядок...» – подумала я. Пробудилось вдруг какое-то нехорошее предчувствие. Я быстренько потопала в зал, где они разговаривали. Фу-у... Чуть не задохнулась... Кот облезлый! Не продохнуть! Аж глаза заслезились, как накурено! Вот это да! Борисыч в комнате никогда не курил, щадя моё тонкое обоняние, а тут – нате вам... Я вышла в коридор, здесь всё же полегче, легла у двери, отсюда и зал хорошо просматривается и свежим воздухом немного тянет с площадки. Уши наострила: только ещё скандала мне не хватало!

– Это всё ты! Ты виноват... – громко воскликнула Лариса. – Никто, кроме тебя!

Я вытянула шею, чтобы получше видеть Борисыча, немного мешал дверной косяк. Он сидел в кресле, курил. По его движениям я понимала, что он сильно нервничает.

– В чём же я по-твоему виноват, в том, что старался воспитывать Димку так, чтобы он вырос настоящим человеком? – на скулах Борисыча ходили желваки.

– Старался воспитывать? – Лицо у Ларисы бледное, заплаканное. – Воспитал?! – опять воскликнула она. – Это ты убил его, слышишь?! Ты убил нашего сына!

– Думай, что говоришь! – сорвался на крик и Борисыч, швыряя недокуренную сигарету в уже порядком набитую пепельницу. Промохнулся.

Лариса подошла к столу, затушила окурок Борисыча. Я уже лежать не в состоянии. Встала в проёме двери. Наблюдаю. Скверно. Всё скверно. Не нравятся их лица. Не нравится висящая в воздухе напряженность. Тяжело дышать. Сказала об этом Борисычу негромко. Он повернулся на мой голос.

– Груня, спокойно, место...

Я вздохнула, какое к котам блохастым место!? Стою, молча наблюдаю...

– Что думать? – опять кричит женщина. – Да если бы не ты, если бы не ты!! Он... он дипломатом бы стал, он... в МГИМО поступил бы, а не в это твоё Воздушно-десантное! Ты! Это ты со своей армией проклятой... Тебе безразличны были мои мольбы и слёзы, когда я просила, умоляла, сделать что-нибудь, чтобы он послушал меня, отдал документы в МГИМО или МГУ... Ведь и справку можно было сделать, что не годен по здоровью, и просто договориться, чтобы его документы под каким-то предлогом не взяли! Да мало ли что мог ты сделать! Ты, с твоими связями, с твоими друзьями!! Ты же всё мог, но не стал!! – она кричала всё громче, что я даже помогала головой, так её голос резал слух.

– А ты сказал, что никогда не будешь покупать никакие справки для сына, и не будешь отговаривать его от поступления в военное училище! Помнишь, помнишь, как ты говорил?!

– Помню... – ответил Борисыч, – И ты ещё называла меня старым, контуженным на всю голову, солдафоном и палачом...

– Если струсим – совесть спросит... Ты так ему говорил! – кричала Лариса. – Нам нельзя, сынок, без защиты нашу Родину оставлять! Ну, и чего ты добился?! Защитник Родины... – она без сил почти упала в кресло. – Теперь на стене портрет в траурной рамке... Ты этого хотел?!

На Борисыча было страшно глянуть, так он был бледен. Он молчал. Сидел в своём кресле и молчал. Я почувствовала вдруг, что меня колотит нервная дрожь.

– Молчишь? – Лариса поднялась. – Ненавижу... Ненавижу тебя, слышишь! Лучше бы тебя убили в проклятом Афганистане, тогда, или в Чечне или где ты там ещё был... Лучше бы тебя убили, слышишь, может тогда Димка был бы жив...

– Он не мог поступить по-другому... – сказал Борисыч глухо. – Он товарищей своих спасал...

– Товарищей? – Лариса сделала шаг к Борисычу. Я напряглась. Негромко рыкнула, совсем тихо, чтоб её не напугать, но предупредить: «Не стоит делать резких движений». Я сейчас не поводырь, «не при исполнении», могу и осерчать, нечего руками хозяина трогать.

– Товарищей? – повторила она. – И где его товарищи? А твои где? Ты же тоже спасал кого-то, глаза вот потерял, и где твои товарищи? Что-то не вижу... Псину вот вижу, а друзей нет... И Родина твоя хорошо тебя отблагодарила? Ах, да, медальку на грудь повесила.... Забыла...

– Кого-то? – Борисыча аж затрясло. – Кто-то – это ребята мои из группы! Слышишь ты! Ребята ж мои... А даже если и не ребята... А когда там парни на гранаты ложились, детишек и женщин своими телами прикрывали, тоже как ты выразилась, «кого-то» защищали!!! Уйди! Уйди, пожалуйста... – голос Борисыча звенел от напряжения.

– Я-то уйду... А вот ты – останешься... Со своей совестью останешься. Что ты ей скажешь? – Лариса шагнула к двери. – Я мог уберечь сына, но не стал этого делать?.. Завтра привезут надгробие... – голос ее дрожал, губы тоже. – Если посмеешь – приходи... Сорок дней скоро...

И она ушла. Дверь хлопнула. Я растеряно стою в коридоре. Борисыч со всего размаху и со всей силы кулаком долбанул по столику. Разлетелось всё, что на нём было к котам блохастым... Я, стараясь не производить лишнего шума, подошла к нему. Его трясёт всего. Колбасит здорово. Опять за сигарету. Мне тяжело, очень тяжело дышать, но я положила морду ему на колени. Вздохнула. Держись, Борисыч...

Он держался. Сколько мог. Вечером мы погуляли даже в нашем сквере. Но потом он не спал всю ночь. Сидел на кухне и пил. Я то и дело подходила к нему, звала, он махал на меня рукой, отсылал на место. Одна бутылка опустела, потом вторая...

... Утром он даже не повёл меня на прогулку. Я изнемогала. Долго и настойчиво теребила его, то за одну руку, то за вторую, то носом пыталась сдвинуть его с места. Он сидел за столом, уронив голову на руки.

– Отвали, Груня, – голос его был хриплым.

Стойкий спиртной запах жёг мне ноздри и уже комом стоял в горле. Я мотала отяжелевшей от неприятного запаха башкой и всё «бодала» его и «бодала». Пошли, вставай! Ну, давай же! – я и бурчала, и рычала, потом уже просто сорвалась на крик: «Да ты обалдел, что ли вконец, у меня сейчас мочевой пузырь лопнет!» – он приподнял голову от стола.

– Иди, сама иди, гуляй... – и вновь уронил голову на руки.

Я тяжело вздохнула, вот ещё напасть. Только этого мне не хватало! Но естественное желание поджимало, думать пока что не могла, помчалась стремглав вниз, чуть соседку с ног не сбила.

– Ужас какой! – она отпрыгнула к стене. – Совсем уже! Бессовестные!

О-о-ох... Какое облегчение... У-у-ух... Ну, вот, теперь можно и мозгами пошевелить. Чего делать-то с Борисычем? По-моему, мужик «съехал с катушек»... Ну ладно, в панику бросаться не будем, посмотрим... Со всяким может случиться...

... Бутылки не кончались. Кот блохастый! У него что тут склад или магазин? Не, надо что-то делать. К исходу третьего дня, я поняла, что если что-то не изменить, придёт нам полный каюк. Хозяин лапы откинёт с перепоя, а я с голода и от удушья: перегари-и-ище-е-е! Догрызу вот последние крохи «Педигрипала» – редкая гадость, между прочим, и буду чего-то придумывать. А что тут придумывать, надо к Сергею Юричу за помощью! Мне одной не справиться. Дом его найду и с закрытыми глазами. Хотела побыстрее, автобусом. Зашла, как путёвая, забыла совсем, что без шлейки, да и хозяина при мне нет, короче, как все раскричались... Вышла. Ну, кот с вами, дойду... Лапы конечно, не казённые, но на неприятности не буду нарываться. Есть одна хорошая новость: наподдала соседскому Джиму, так кажется, его зовут. Ох! Как он любил меня достать, когда я на службе! То пытается задираться, то облает по-всякому, ни с того, ни с сего, то под хвост норовит нос свой сунуть! Убила бы, зар-р-разу! Но ведь нельзя было на поводке-то, при исполнении... А эта сволочь тоже это прекрасно понимает, вот и нарывается, знает, что не могу отпор дать. Ну, сегодня оторвалась по полной! Долго будет помнить!

Ну, вот и дошла. Устала, конечно, язык на плечо. Далековато, Сергей Юрич, далековато живете... Ладно, сейчас дух переведу и раз-два, раз-два, махом на четвёртый этаж, только бы дома был, да, ещё подъезд с кодовым замком. Придётся ждать, пока кто-нибудь не выйдет или не войдёт. Ну и так скромненько, по стеночке, по стеночке, а то крика будет, света белого не взвидишь! Но мне повезло, первый кто вышел из подъезда, был Любашин муж. Уж я к нему и кинулась! Ни за что бы не поверила, что когда-нибудь буду ему так рада! Он, конечно, оторопел и, кажется, испугался, хотя может мне это показалось. Бегаю вокруг, ошалевшая от удачи, кричу ему (в смысле гавкаю):

– Ты это, ты давай, ты товарищу полковнику звони...

Он смотрит на меня со страхом, не понимает... Господи, ну откуда вы такие бестолковые-то? Тычу носом ему в карман. – Да вот же, телефон же, бери... Звони... Ой, бестолочь... Дошло, наконец-то! Достал «трубу», звонит...

Уселась, успокоившись. Притомилась, однако... Сергей Юрич через мгновение уже внизу. Вот что значит – настоящий полковник!

– Что!? – кричит мне на ходу. – Что стряслось? Где Игорь?! Ты почему здесь?!

– Ты чего орешь? – опешила я, потом сорвалась на крик, ну на лай по-вашему. – Давай, быстрее, одевайся... А, да ты уже одетый, так бегом же, за мной!! – и я рванула к остановке. По дороге всё пытаюсь ему объяснить, аж охрипла.

Со стороны это, наверное, выглядело смешно: бежит здоровый мужик, наспех застёгивая лёгкую курточку, еле поспевая за истошно лающей, до хрипоты, собакой. М-да-а... Обстоятельства-с...

IV

Рассказать, что такое собачье блаженство? Ладно, расскажу.... Это вот как сейчас у меня. Мы у Сергея Юрича, за городом, на даче. Дача – о-го-го! Красоти-и-ища! Мой Борисыч молодец! Мы тут отдыхаем сейчас. Друзья съехались. Шашлык-машлык, то-сё... Костерок... Тьфу, правда не люблю, вонючий! А в остальном... Das ist Herrlich! (это прекрасно!). Das ist Grossartig! (это великолепно!). Бегаю себе, сколько хочу, я сейчас не работаю, правда, по привычке за Борисычем, конечно, приглядываю. Тут и женщины. Жены, подруги... Нашей нет... Да и хорошо, нечего ей тут делать, мне прошлого раза через край хватило. Борисыч тогда еле оклемался, если бы не товарищ полковник, неизвестно, чем бы это всё закончилось.... Сейчас Борисыча как подменили – угрюмость исчезла, разговорчивый, смеётся... Правда, невозможно увидеть блеска глаз. Всё те же чёрные стёкла очков.... Ну, не буду о грустном сегодня... Я его таким счастливым ещё не видела, с тех пор, как у него работаю. Мы сейчас с ним – «не разлей вода». Прости, товарищ полковник, я тебя, конечно, тоже люблю, но Борисыч... Ладно, не будем об этом. Ничего, Борисыч, я умная девочка, правильно ты говоришь всегда, я тебя ещё и женю. Не хорошо такому.... Такому мужчине... и без жены. Не порядок. Собака – это хорошо, я многое могу: и поговорю, и посочувствую, и выслушаю, но я всё же не человек.... Присмотрела я тут у нас в парке одну очень даже симпатичную даму. Приятную во всех отношениях, и духами не злоупотребляет, то есть, мне тоже приятно с ней общаться. Она ко мне очень не равнодушна, ну, я этим, естественно, пользуюсь, для твоего же блага, Борисыч! Жаль ты не видишь, как она на тебя смотрит! Ну, я не буду торопить события-то, но очень мне нравится, как она на тебя смотрит! Я уже знаю, где она работает, как-нибудь свожу и тебя. Думаю, ей будет приятно. Тебе-то? Ха! А тебе ещё приятнее. Разве я не права? Ой, здорово-то как поваляться на травке! Вот мужики гитары взяли. Петь значит будут! Ох, и люблю же я, когда они поют! Иногда даже подпеваю! Побегу поближе!

– Чего споем? – кричу (ну, то есть лаю) издали. – Давайте эту, мою любимую... Мой Борисыч знатно поёт! И ещё один из его друзей тоже. Ой, тише! Дайте послушать!..

«А вчера не стало Глеба,

в ночь ушёл, и не вернулся...
На стакане корка хлеба,
командир к столу пригнулся...»

Лежу, уткнувшись мордой в лапы. Смотрю на них издали: ближе лезть дым костра мешает. Смотрю и понимаю: как же я их люблю! Борисыч, как я счастлива, что ты у меня есть! Вот это и есть собачье блаженство! Умиротворение такое в душе!... Так, стоп, это ещё что за звуки!? Вот всегда так – служба днём и ночью... Хотя я теперь совсем не охранная собака, я – проводник, а сегодня у меня вообще – выходной! Ну, нет, всё же пойду, посмотрю, всё ли в округе в порядке. Ну, кто, если не я?!

V

Я люблю вечерние прогулки. Идём спокойно. Только Борисыч угрюмый и неразговорчивый. Конечно, есть с чего... У него сегодня тяжелый день был. С утра ездили на кладбище. Заехали ребята, погрузились мы в машину. Все молчаливы, так и ехали всю дорогу, не проронив ни слова. Я попыталась было как-то их расшевелить, дать повод разговор начать, хотя это и не в моих правилах, ведь сегодня я на работе, а на работе я не отвлекаюсь, но уж больно Борисыч был угрюм и немного бледен. Хотела его приободрить, но на меня повернулся Сергей Юрич.

– Груня, «молча»!

Я затихла, хотя, товарищ полковник, ты уже мне не хозяин, и твои команды я имею полное право игнорировать. Ну, ладно уж, вижу, что вы «не в духах». Помолчу. Народу было много. Меня сначала хотели оставить в машине. Сергей Юрич взял Борисыча под руку, но Борисыч сказал: «Не надо, мы с Груней...» Я повернулась на Сергея Юрича, мой вид ему говорил: «Ну, что, не вышло, товарищ полковник, меня в машине запереть? Ещё чего!» Но Сергей Юрич был серьёзен, озабочен и на меня внимания не обратил. Ну, ладно. Так. Работать, значит, работать. Сбруя, ты где? – с беспокойством кручу головой, – Так идти?! Ну, вы даёте сегодня, как же без снаряжения?

Борисыч напряжён, я это вижу. Ладно, без снаряжения, так без снаряжения. Отработаю. А-а-а, опомнились... Сергей Юрич застёгивает шлейку. Поворчала для проформы. Ну, вот, совсем другое дело... Идём, Борисыч...

И Лариса здесь. Подходит к нам.

– Здравствуй, Игорь, – сегодня она достаточно спокойна. Протягивает руку. Я сейчас – поводырь, меня это совершенно не волнует. Хоть две. Вперёд! Борисыч даёт знак остановиться. Останавливаюсь. Пусть говорят, раз им это нужно. Сижу. Спокойно жду сигнала вновь начать движение.

– Игорь, прости меня... Прости, пожалуйста... – Лариса готова заплакать, я это слышу по её голосу.

– Это ты прости... – Борисыч сдержан. – Прости за всё. Если сможешь... Идём.

Она берёт его под руку. Мне это здорово мешает в работе, но я умело скрываю недовольство. Что поделаешь? Вперёд... Осторожно... Прямо...

Говорят много. Я не прислушиваюсь. Лариса тихо плачет. Борисыч стоит рядом с ней, вот обнял её за плечи. Она плачет сильнее, постепенно плач переходит в рыдания. Борисыч держится. Молодец. Сижу. Молчу. Наблюдаю. Будет салют. Я это знаю. Так положено. Я уже однажды была в таком месте, когда ещё моим хозяином был Сергей Юрич. Бабахнуло. Ещё.. Ещё... Только уши чуть прижимаю... А так – сижу. Молчу. Жду указаний... Извините, опять злоупотребила вашим вниманием, но грустно мне от этих воспоминаний, и Борисычу вижу, что грустно...

...Идём с ним к дому, поворачиваю. Наконец, он отвлётся от своих мыслей.

– Грунь, давай ещё погуляем, не хочу идти домой, давай, к скамейке...

К скамейке, так к скамейке. Вздыхаю, разворачиваюсь. Поздний вечер. Людей почти нет. Идём. Воздухом дышим. Всё бы хорошо, если бы не настроение. Ну, ничего, не впервой! Где наша не пропадала! Вот – поворот к аптеке, вот – гастроном, вот – светофор... Сейчас на ту сторону и уже в парке, а там и до нашей скамейки рукой, вернее, лапой подать.

Ощущение опасности пришло быстрее, чем я поняла, что уже вижу эту опасность. Машина шла неровно, рывками. У меня светоотражающая шлейка, её ночью хорошо видно, у Борисыча такая же трость. Я остановилась. Надо пропустить машину, не нравится мне, как она идёт. Обычно человек решает, когда идти, но под колёса я, конечно, хозяина не пушу! Я

не знаю, откуда пришло это ясное понимание: машина заденет нас. Она не просто нас заденет, она нас снесёт! Рвануть вперёд – я успею. А Борисыч? Стоять, как вкопанная? Он должен объехать, но я понимаю, что не объедет – этот не объедет. Почему? Не знаю, но понимаю, что так и будет! И что это – конец? Борисычу конец? И мне? БОРИСЫЧУ? Я не знаю, что это было и как это произошло, не знаю, не спрашивайте, всё равно не отвечу. Я резко дернулась всем телом, я всё-таки тушка-то с хорошим весом, я не просто сбила Борисыча с ног, я его оттолкнула. Оттолкнула насколько смогла...

Удар был очень сильный. Резкая боль не дала мне сдержать отчаянного визга. Я лежала на холодном асфальте и тихо скулила, но умерла я не сразу, я ещё успела заметить, что Борисыча не задело.

Он просто упал, ушибся, наверное, но это всё ничего. Это – нормально. А я? Я не боюсь. Ты то, Борисыч, должен знать, испугаться просто не успеешь. А если и успеешь, то есть такое понятие: ДОЛГ. Мне ли тебе говорить? Я должна была... Борисыч, должна...

Я уже иду по аллейке, туда, к свету, но обернулась ненадолго. Вижу, как с трудом поднялся Борисыч, как тискает, тискает моё тело, пытаюсь поднять, как руки его перепачкались в моей крови. Он прижимает, прижимает меня к себе... Ой, он, кажется, плачет... Я, наверное, сейчас тоже заплачу... Борисыч, миленький, мне так хочется положить тебе свои лапы на плечи и облизать горячим языком твоё лицо! Я знаю, на вкус слёзы солёные... Борисыч, не плачь, мужчины не плачут... Ты жив – это главное! Ich liebe dich! (Я люблю тебя!)... А за меня не волнуйся, все собаки обязательно попадают в свой рай...

Картинки в зеркалах

Мне сказали, что сейчас август 2000-го года, и я нахожусь в санатории в Подмосковье. Больше ничего не сказали. Я наблюдаю за ними уже несколько дней. Они не знают об этом, да им и не надо этого знать. Они в белых одеждах и всегда молчат. Я тоже молчу. Сегодня один из них, с большим шрамом на щеке, обратился ко мне: «Молодой человек, вы помните своё имя?» Что за глупый вопрос – я его никогда и не забывал. Но у меня много имён. В армии все имеют клички. Например, во взводе я Нечай, а иногда меня зовут Калиныч, потому что Вадьку Хорькова, моего друга, зовут Хорь. Сначала его правда называли было Хорьком, но это ему резко не понравилось. И он это популярно объяснил. Его пудовые кулаки в этом ему здорово помогли. Так он стал Хорем. А потом кто-то из «особо одарённых» вдруг вспомнил (не падайте!) Тургенева. Ну, помните, у него есть рассказ «Хорь и Калиныч», так меня иногда и стали звать Калинычем. Человек со шрамом очень обрадовался, когда я кивком головы ответил на его вопрос.

– А меня зовут доктор Малышкин...

– А вы отчего лечите?

Шрам весело сказал:

– Вас мы уже вылечили!

Ну, и зачем врёт? Я не болен, отчего меня лечить? А-а, он меня проверяет...

– Тогда можно я пойду домой?

– А где ваш дом, с кем вы живёте? – улыбается Шрам.

Странно, но я не помню. У меня было много домов. Шрам закивал:

– Да-да, много, вы правы, а где?

Я решил ответить честно:

– Скоро вспомню.

Шрам выглядел довольным:

– Постарайтесь, и мы поговорим завтра.

Они все ушли. Я по-прежнему лежу на кровати, но если хочу что-то узнать, придется встать. Они явно не враги, но осторожность не помешает. Этот Шрам – первый человек, с которым я разговаривал. Меня долго не было. Он первый, кого я встретил. Он дал мне время – и я им воспользуюсь. Надо обследовать комнату; открою шкаф, в шкафу – зеркало, а в зеркале – я. Худощавое лицо, чужой колючий взгляд. Буду смотреть в зеркало, пока не вспомню. Ну, давай же, ты такое огромное, только покажи, и раз, и два... Стены плавно подвинулись, и я вижу, как выдвигается быстро сформированная колонна. Сели на БМП и – вперёд, двинули в заданном направлении... Мы – бойцы, как обычно – на броне. Я на второй машине.

Едем. Только втянулись в ущелье, после первых же выстрелов поняли – нам хана, в горах – кто выше, тот и победитель. «Чехи» на горе, мы – внизу, и участь наша ясна. Засаду они устроили классическую: сначала ударили по головным и замыкающим машинам, потом расстреляли в упор остальные.

У меня всегда автомат был перезаряжен и снят с предохранителя, а тут почему-то патрон в патроннике отсутствовал. Вот я снимаю автомат с предохранителя, дергаю затвор и тут «ба-а-бах!» – прямо подо мной взрыв. Горит бээмпэха. А я – Нечаев. Сергей Нечаев. Я всегда это знал, но завтра Шраму этого не скажу. Ты будешь, как в сказке – свет мой, зеркальце, скажи... Ну, вот тебе боевой приказ: скажи, кто меня любит сильнее всех. Ну, да, не скажи, а покажи, ты ж, дурында, говорить то не умеешь!...

В смежной комнате в кресле дремала медсестра, не молодая и не старая, без определённого возраста, что впрочем, у женщин бывает достаточно часто. Она не беспокоилась – пациент многие дни и месяцы проводит в молчании, неподвижно лежа на кровати. Редко разговаривает

сам с собой, но из того, что он говорит, разобрать возможно лишь мат. Но сегодня не так. Он отчётливо произносит слова. Обычные слова: мама, отец, август, здесь, здание, здоровье.

«Надо сказать доктору, – решила женщина. – Этот электрошок и новый препарат, видимо, вызвали улучшение».

Она заглянула в полуоткрытую дверь: больной смотрел в зеркало невидящим взглядом и отчётливо произносил: «Здесь. Здание. Здоровье. Ира. Здесь. Здание. Здоровье. Ира. Ира. Ира».

Медсестра знала, кто эта Ира, она встречала эту элегантную молодую женщину, недавно вышедшую замуж, но всё равно регулярно приезжающую сюда.

– Ты мой маленький заяц, я так и знал, что это будешь ты. Ведь это ты любишь меня больше всех? Да? Да... У тебя холодные ладошки. Почему у тебя холодные ладошки? Ты опять забыла перчатки? Я устал... Я всё знаю. Я болен, потому что... Да нет же, это они думают, что я болен, а на самом деле я совершенно здоров, просто так надо... Ты слышишь, Ирушкин, так надо! Чёрт! А зачем меня побрили? Я должен быть абсолютно заросшим! Я – другой! А меня без бороды так легко узнать! Мамуля была бы рада, что я без бороды, но ведь без неё сейчас никак нельзя! Но какое хорошее зеркало! Так много рассказало... А теперь я буду спать... Спать и вспоминать... Нет, все же, как же я без бороды?...

Доктор Малышкин беседовал с немолодой худощавой женщиной. Обычно спокойная, она вся дрожала от возбуждения:

– Это чудо, чудо! Я ждала его почти четыре года!

– Не обольщайтесь, Надежда Юрьевна, это совсем новый метод, и мы не знаем последствий.

– Доктор, я беседовала с лучшими психиатрами, они признали своё бессилие. Мы возили Серёжу в Германию на лечение, и господин Байернаум посоветовал мне не тратить понапрасну деньги, а Ирочке – разводиться. Предупреждал, что болезнь будет только прогрессировать.

– Но господин Байернаум никогда не отрицал, что в медицине порой случаются чудеса, но об этом пока рано говорить.

– Я консультировалась у лучших врачей, возила его даже к знахарям и экстрасенсам, но все напрасно, он не узнавал нас, ни меня, ни Иру, ни своих друзей... Только одно ненадолго вызвало его интерес...

– Если можете, расскажите поподробнее.

– Кто-то из ребят принёс кассету с военным фильмом, я бросилась выключать, а он оставил, в нём что-то будто проснулось. Подмечал ошибки, оживился, говорил что-то по ходу событий в фильме...

– Случай у вашего сына достаточно необычный, но что вы хотите после такого тяжелого ранения в голову? Нам удалось разбудить его память, и теперь многое будет зависеть от его желания вернуться в реальный мир. Прошу вас, Надежда Юрьевна, дайте о нём как можно больше информации...

...Он проснулся среди ночи и бросился к зеркалу, его переполняло ощущение счастья. Женщина в зеркале радостно ему улыбнулась. На ней белое платье и блестящие, ярко-красные бусы. Она жестом подзывает кого-то, и этот кто-то оказывается молодым черноволосым красивым парнем с родинкой на щеке. Он тоже улыбается. Они начинают медленно кружиться в танце. Ему так хорошо наблюдать за ними. В голове даже начинает звучать мелодия, под которую они танцуют. Движения их так завораживающе прекрасны. Он отчётливо понимает, что знает и эту женщину, и этого молодого человека... И что еще совсем немного, и он вспомнит, вспомнит, как этого парня зовут, и кто он... Вдруг почему-то нитка бус на женской шейке лопаается, и ярко-красные бусины рассыпаются по полу. Что-то тревожно заставляет замереть сердце. Какой пустяк: красные бусины, рассыпанные по полу. Только вдруг эти бусины начинают терять форму, они будто плавятся и растекаются, и в один миг превращаются в пятна

крови на полу. Ещё секунду назад ярко-алые, они стремительно чернеют. На лицах уже нет улыбок. Он с ужасом зажимает глаза. Сейчас молодой человек повернёт к нему своё лицо. И он знает, что оно тоже будет залито кровью. Хорь будет смотреть прямо на него, в самое сердце. У него уже нет глаз, но он будет смотреть...

...Медсестра пробудилась – в соседней комнате будто стонало раненое животное. Она не решилась даже войти – позвала доктора Малышкина.

– Доктор, мне больно.

– Где у вас болит?

– В голове.

– Вам, наверное, просто что-то приснилось...

«Не скажу ему о Хоре и бусах, но он может дать дельный совет».

– Доктор, я долго не вспоминал об одном человеке, а сейчас вспомнил, и мне стало нестерпимо больно. Мне надо совсем забыть о нём?

– Нет, это неправильно. Расскажите, и сразу почувствуете облегчение.

– Не думаю... Ну, хорошо, в другой раз, а сейчас я устал...

Доктор ушёл.

«Я хочу видеть Вадюху. Я не буду шуметь – и никто не войдёт. Вадюха тоже осторожный чертёк!»

– Серый, дорогой, как поживаешь?

– Где ты?

– Как где, здесь...

– Я всегда был с тобой, а ты ушёл без меня!

– Я за это дорого заплатил.

– Я тоже. Ты был лучшим другом в моей жизни...»

Опять эти звериные стоны. По указанию доктора медсестре пришлось сделать пациенту успокаивающий укол.

Наутро доктор вызвал Надежду Юрьевну.

– Мне необходимо получить ответ на один вопрос, если конечно это возможно. Вы хорошо знаете своего сына. Сегодня ночью он говорил о мужчине, и эти воспоминания вызвали сильную боль. Как вы думаете, кого он имел в виду?

– Тут и думать нечего, это Вадик Хорьков, его лучший друг, он погиб...

– Вы знаете подробности? Больной не хочет касаться этой темы, а мне она представляется достаточно важной.

– Я не знаю подробностей, может Серёжины друзья знают детали этого проклятого боя...

Мне вообще тяжело об этом говорить...

– Хорошо, оставим пока это, прошу, не приходите несколько дней.

– Ему стало хуже? – она немного побледнела. – Вы же обещали, что позволите поговорить с ним!

– Надежда Юрьевна, он еще не готов к встрече с вами, не скрою, его состояние ухудшилось. Наберитесь терпения, я вам позвоню...

Следующим утром доктор Малышкин пытался побеседовать со своим пациентом. Сергей выглядел очень усталым и безучастным.

– Вы не послушали меня – и вот результат. Поймите, чтобы жить дальше, надо оставить своё прошлое.

«По-моему, Шрам хитрит, недоговаривает. Что-то с Вадюхой? Всё равно ведь правду не скажет!»

– Доктор, я устал, давайте поговорим потом.

– Хорошо, приду к вам позже.

«Попробую рассудить спокойно. Всё это происходило.... Давно? А что потом было? Не могу вспомнить. Ничего, зеркальце поможет. Ну, свет мой.... Какое странное солнце, словно разбилось на множество разноцветных осколков... По обочинам трассы валяются, как трупы доисторических животных, обгорелые остовы бронетехники и грузовиков, какие-то ящики, коробки, свёртки, тряпки. Вдоль дороги тянутся ряды больших и малых зданий, превращённых артиллерией, авиацией и пожарами в руины. Долгими вереницами идут навстречу колонны беженцев с преимущественным преобладанием в их рядах славян. Местное население смотрит на машины с солдатами сурово и недоверчиво, без надежды и радости...»

Вернувшись, доктор застал Сергея у окна.

– Хотите погулять? Там солнце, оно вам полезно.

– Она мне очень нравилась...

– Кто?

– Моя жена.

– Вам трудно говорить о ней?

– Нет, наоборот, только я очень мало помню.

– Опишите, какая она.

– О, Иришка очень красивая, знаете, как куколка. Со светлыми волосами и ярко-синими глазами. Вокруг было много хорошеньких девушек, но я выбрал её.

– Почему?

– Она меня очень любила. И писала очень хорошие письма. У неё тонкие пальчики.

– Видите, вы помните...

– Увы, это почти всё...

– Это очень много. Однако подходит время процедур.

«Как я устал от него! Он хочет помочь мне, но очень уж любопытен. Зеркало лучше Шрама – оно всё знает и не задаёт никаких вопросов».

Он проснулся под утро. Было страшно. Зеркало в рассветных лучах казалось зловеще красным. В нём горел Бамут, покрывая небо густым чёрным дымом. Зарево можно было наблюдать за десятки вёрст. Не доехав километра три до Бамута, колонна остановилась. Мы посыпались с бортов и начали разминать затёкшие от долгой и изнурительной дороги мышцы. Возле госпитальных палаток лежат штабеля из мёртвых тел. С одной стороны трупы загружают в грузовик бойцы с осунувшимися безразличными лицами и увозят, а с другой такие же бойцы подносят «двухсотых» и складывают в новые кучи, как брак на какой-то фабрике. Неподалёку между палаток возвышается гора из использованных, окровавленных перевязочных материалов, пустых ампул, склянок, коробок вперемешку с ампутированными конечностями. Везде снуют суровые санитары в залитых кровью когда-то белых халатах. Равнодушные, безучастные взгляды у всех. От бойца до командира. Не просыхающие ботинки, сбитые о камни, десятикратно тяжелеют от липкой, вездесущей, надоевшей грязи. Давно не стиранная форма приобрела цвет глины, порванная о колючки и гвозди, неоднократно штопанная, она казалось просто приросла к коже. Месяц без бани. Даже воду подогреть негде. К горлу подкатил кислый противный комок...

...Наутро доктор был неприятно удивлен. Больной опять молчал. Хотя слушал доктора внимательно, склонив голову на бок. Казалось, ему интересно, но глаза оставались пустыми, ничего не выражающими, значение слов от больного ускользало.

Надежда Юрьевна не ожидала так скоро звонка из клиники.

– Я прошу срочно приехать.

Она испугалась:

– Что случилось?

– Мне нужно побеседовать с вами...

Доктор говорил, тщательно подбирая слова:

– Существует препятствие, которое очень мешает лечению, можно сказать, сводит на нет... Безумие стало его защитной реакцией.

– Это связано с женой или со мной?

– Напротив, вы для него как лучик света, он охотно вспоминает вас и Ирину. Но думаю, страшные события, которые ему пришлось пережить, не отпускают его...

– Не удивительно... Вы знаете, я так долго ждала чуда, но война не отпускает его. Когда я последний раз с ним говорила, всё убеждала его, что скоро мы поедem домой. А он ответил очень серьезно: «Не могу, потому что завтра „вертушка“ на Ханкалу. Ребята ждут, Бур и Хорь». А ведь их уже нет в живых. Ни Хорькова, ни Бурченко. Это было так жутко...

– Надежда Юрьевна, хочу уведомить вас официально, что продолжение данных методов лечения и шокотерапия представляет опасность для его жизни. Предлагаю сделать перерыв и сменить обстановку. У вас есть такая возможность? Поживите где-то в уединении, желательно у моря, ваш сын не представляет сейчас опасности для окружающих. Только не забывайте о таблетках...

– И я могу поговорить с ним?

– Было бы очень желательно.

Они встретились в больничном саду. Сергей очень изменился, взгляд казался осмысленным. Надежда Юрьевна опустилась рядом с ним на скамейку.

– Какой замечательный день, правда, Серёжа?

– Добрый день, Тамара Николаевна.

– Я – не Тамара Николаевна!

– Вы ошибаетесь. Вы – Тамара Николаевна, просто вы не хотите теперь говорить со мной, потому что я жив, а ваш Вадим нет. Позовите, пожалуйста, маму, если не трудно, я очень хочу её видеть...

Надежда Юрьевна не выдержала, и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

...Кто-то тронул Малышкина за плечо. Высокий, лет сорока пяти, но седой, как лунь, подполковник Степнов протянул сигарету.

– Спасибо, – сказал доктор Малышкин, – свои есть, но как говорится, чужие всегда слаще.

– Да уж, Док... – помолчали. – Ты тоже был там? – подполковник кивнул на шрам.

Малышкин просто сказал:

– Да было дело...

Степнов пригладил свой взъерошенный седой ёжик волос. Молча докурили, потом Степнов сказал негромко, глядя куда-то в сторону:

– Это был аул – призрак. Домов тридцать. И все пустые. Ни людей, ни собак, ни какой-нибудь скотины. Ни единого звука. В слепых окнах домов не горел свет. Над крышами не вился дым. Разведгруппа, высланная днём раньше, на связь не вышла. Так что шли вслепую. В аул зашли с опаской, с двух сторон. Одна группа с юга, вторая – с востока, с гор. Дозорные перебежали от забора к забору. Следовавшие за ними основные группы прочёсывали все дворы и дома. Снайперы обшаривали в прицел каждый камень, каждый угол в надежде обнаружить хоть что-нибудь, способное пролить свет на судьбу разведгруппы.

В центре аула располагался, видимо когда-то колхозный, гараж или механический цех, где за поваленным забором замерли навечно остов 53-го «газона» и ржавая сеялка. Когда две группы объединились, были расставлены «секреты» вокруг селения, я, радисты и ещё трое бойцов направились в этот гараж, решив сделать из него временный штаб. Первым шёл Серёга Нечаев. Он и открыл эту дверь в подсобку...

Подполковник вновь достал сигарету. Прикурил. Пальцы его чуть-чуть подрагивали.

– ... Пол, стены, всё в этой чёртовой комнате было залито кровью, уже давно застывшей и почерневшей. В середине лежали изувеченные тела наших разведчиков. А в дальнем углу валялись их отрезанные головы с выколотыми глазами...

Замолчал. Док молча курил. Его лицо ничего не выражало, только в глазах появилось что-то, для чего трудно подобрать описание. Тоска? Печаль? Боль? Всё сразу?

– Такие вот дела... – продолжил Степнов. – В этой группе были два его друга – Хорьков и Бурченко.... А через неделю он с ребятами попал в засаду. Уцелел просто чудом...

Они ещё долго курили у окна и молчали.

...Надежда Юрьевна увезла сына в маленький городок, провинциальный и тихий. Почти год они прожили уединенно, пытаясь приспособиться к жизни вне больничных стен. Сергей был молчалив и спокоен, исчезли галлюцинации. Они подолгу гуляли в парке, сидели на лавочке в скверике, кормили голубей. К ним уже привыкли и не выражали удивления, сочувствия или интереса.

В их доме не было зеркал и телевизора. Надежда Юрьевна редко оставляла Сергея одного, но однажды пришлось довольно надолго уехать в собес для оформления пенсионных документов.

«Я снова один, как в больнице. Скучно, нет моего зеркала. Правда, можно слушать музыку. Под окном играют дети. Громко хохочут. Весело...»

Сергей распахнул шторы, солнце заиграло на оконном стекле.

«О, зеркальце, дорогое, наконец-то! Здравствуй! Ты сильно изменилось! – Он взгляделся в своё отражение. – Время стоит. Помогите мне, зеркало, в последний раз, больше я ни о чём не попрошу, честное слово! Только покажи, где сейчас Вадюха и Кирилл!»

Он узнал, конечно, то место, которое ему показало стекло, которое он ласково назвал зеркальцем. Он обрадовался и огорчился одновременно. Радовало то, что в один миг многое, очень многое вдруг всплыло в его памяти. Это было немного неожиданно; раньше вспоминались какие-то неясные отрывки, рваные куски каких-то событий, которые Нечай с большим трудом мог по крупицам собрать в какое-то подобие целого. Иногда это целое становилось всплывшим из глубины его раненого сознания событием. Чаще всего эти эпизоды так и оставались для него непонятными картинками. Как будто вырванные кадры из какой-то киноленты. Киноленты, в которой он не знал ни сюжета, ни героев. А огорчило то, что он понял, что должен ехать. Прямо сейчас, туда, к ребятам. И огорчил, естественно, не сам факт немедленного отъезда, а то, что вернётся домой мама, а его нет. И она будет плакать. А не уехать он не может, и дождаться её не может, чтобы попрощаться. Как он уйдёт, если увидит её слёзы? А он их, конечно, увидит...

Нечай ещё немного постоял у окна. Потом решительно подошёл к столу. Там нашлись и ручка и бумага. Написал неровно и коротко: «Мама! Скоро вернусь. Люблю. Прости». Он знал наверняка, что много ему не нужно, а потому сборы были короткими. Всё необходимое легко уместилось в небольшую спортивную сумку. Нечай запер дверь на ключ. На лестничной площадке не было зеркала, а если бы оно было, то оно отразило бы его ладную фигуру в тёмно-синей футболке с надписью «Зенит», джинсах, с сумкой через плечо. Это зеркало не сумело бы разглядеть его глаз, он их спрятал за тёмными очками. Оно увидело бы только его улыбку, мимолётно скользнувшую по плотно сжатым губам, а может даже услышало бы: «Я иду... Я скоро, братишки...» И проводило бы взглядом его, легко сбегаящего вниз по ступеням подъезда.

Нечай понимал, конечно, что без документов ему будет трудно добираться. Самолёт, поезд – отпадают сразу, но можно и «автостопом», и автобус тоже не последнее дело. Дорога на войну короткая: от Моздока до Терского хребта. Значит, первая цель – Моздок. Правда, туда ещё надо добраться. Можно через Нальчик. Нечай докурив сигарету. Мысли уже вполне чётко, по-боевому выстроились в голове: так, первое: добраться в целости и, так сказать, сохранности. Зря морду не побрил. Могут прицепиться насчёт проверки документов. Надо бы этого избежать. Ладно, разберусь потом. Второе: по прибытии на место поаккуратнее, лишний раз не светиться. Третье: действовать по обстановке. Маршрут уже определён...

...Так, стоп! – резкая боль неожиданно, будто тисками, сдавила виски.

– Чё-ё-рт! – Нечай схватился за голову, но стон сдержал, стиснув зубы. – Потерпите, парни, я уже иду... Я скоро...

Боль так же резко отступила, как и возникла. Что-то происходило в глубинах сознания Нечая. Его это не испугало, но и не обрадовало. Ему вдруг стало трудно себя контролировать. Будто спустили курок: щёлк! И Нечай «потерялся». Он бросил окурочок. Занял своё место в автобусе. Прислонился пылающим лбом к стеклу. Потом вдруг резким движением задёрнул шторку. Дорога предстоит довольно долгая. Поймал себя на мысли, что не хочет видеть своего отражения. И не хочет ни о чём говорить с Зеркалом. Откинулся на спинку сиденья. Хорошая вещь – тёмные очки. Для всех – придремал, немного расслабившись Нечай. А на самом деле – внимательно изучает обстановку. Сердце ему ничего не говорит. Давно уже с разведчиком Нечаевым говорит не сердце, а его шестое чувство, и седьмое тоже что-то нашёптывает. Напряжён Нечай, но эту напряжённость невозможно заметить постороннему наблюдателю. Напря-

жённость эта внутренняя, уже ставшая для Нечая будто условным рефлексом. Смотрю. Вижу. Анализирую.

«В Багдаде всё спокойно...» – Нечай вполне доволен: да, мать-разведка, незабываемы твои уроки. Маму родную и ту не сразу вспомнил, а тут... Нечай физически ощущал свою боеготовность – взведённая стальная пружина. Через 15 минут отправление. «Парни... Я уже близко...» – мелькнуло в голове. Тут же откликнулся внутренний голос.

– Браток, у тебя «уехала крыша». Хорь и Бур... Ты забыл, где они?

Нечай так стиснул зубы, что болью свело скулы. Трудно Нечаю: последнее время не знает порой, кого слушать. Внутренний голос – это Калиныч. Он резкий, говорит только то, что думает и никогда не церемонится. Ну и, естественно, не стесняется в выражениях. Нечай его уважает, но иногда его коробит прямолинейность Калиныча. Ещё появился один товарищ. Никак себя не называет. К Нечаю часто обращается. Нытик. Любит поплакаться, но что-то в нём есть такое, что напоминает Нечаю всё теплое, лёгкое и светлое: маму, детство, Иру... За последнее время они много разговаривали. Но этот парень не любит и боится Зеркала. Надолго исчезает, если Нечай ведёт с Зеркалом свои негромкие, длинные беседы. Так что Калиныч, Зеркало, этот, без имени, да сам Нечай – многовато для одного разговора собеседников, не так ли? Тем более, которые никак не хотят договориться и даже иногда просто понять друг друга...

В автобусе много людей. Все едут куда-то по своим делам. Мужчины, женщины, дети, старики. Люди разговаривают, довольно громко, спорят, что-то обсуждают. Пищат дети. Тут и «мелкие» и постарше. Все эти звуки сливаются в один гул. Нечай старается отделить себя от этого гула, но это у него плохо получается и он чувствует, как нарастает его раздражение. Гул мешает ему сосредоточиться, сконцентрироваться. Он лезет в уши и Нечаю хочется вскочить и заорать: «Заткнитесь все!!» Но он, конечно, заставляет себя молчать и давит, давит в себе это опасное чувство...

Тут ещё Калиныч бурчит: «Уроды... Как бы вам заткнуть пасти?! А?» Нечай ему сказал: «Сам заткнись. Они тебе не мешают». И получилось это неожиданно вслух. Нечай даже вздрогнул. Но каждый был занят своим делом, своими разговорами. Рядом с ним никто не сидел. И только девочка с соседнего сиденья напротив, лет десяти, испуганно уставилась на Нечая своими карими глазами... Нечай поймал её взгляд, но не нашёлся, что сказать. Просто отвернулся к окну.

Чёрт, сейчас это проклятое Зеркало его злило. Злило и раздражало. Но оно было повсюду. Окно – зеркало, впереди у шофёра целых два! Нечаю их было хорошо видно. И они дружно что-то ему хотели показать. Даже в глазах этой девчонки – по маленькому зеркальцу... Нечай закрыл глаза.

...Вышли на рассвете, задолго до выдвигания колонны. По плану отряд должен был опередить боевиков и организовать противозасаду. Судя по карте, это можно сделать только в одном месте. Наша группа шла впереди отряда в головном дозоре. Она прошла исходную точку на двадцать минут раньше основных сил и «чехи» попросту нас не заметили и беспрепятственно пропустили. Однако и мы не заметили «чехов» и продолжали движение.

Мы вышли на них с фланга. Всё произошло очень быстро. Бур, который шёл первым в дозоре, поднял согнутую в локте руку вверх – «чехи!» и несколько раз опустил её вниз – «много!» И тут же началась стрельба.

Мы столкнулись с ними практически нос к носу. Они никак не ждали нас так рано, а мы, в свою очередь, ждали этой встречи, но оказались в очень уж неудобном месте – между двух высот, все как на ладони! Короче, получалось, что мы сами себя загнали в ловушку...

Огонь был настолько плотный, что не поднять головы. Отход отрезала ещё одна группа «чехов», которые заняли позиции около обрыва. К тому же отходить было нельзя – впереди остались двое дозорных – Бур и Емеля.

Первыми же выстрелами Емелю тяжело ранило. Отстреливаться он уже не мог. Лежал прямо на тропинке, на спине, и каждая обезьяна считала своим долгом выпустить по нему очередь. Мы огнём прижимали их, как могли, но нам самим было хреново, не давали поднять головы те трое, которые были на высоте.

Позже, после боя, мы насчитали у Емели четырнадцать дырок. Так мы и лежали, прижатые к земле. Долго так продолжаться не могло. По радиии вызвали артиллерию. Боевики решили уйти из-под обстрела, прижавшись к нам. Мы стали готовиться к рукопашной.

Они подошли практически вплотную. Даже слышали наши переговоры по радиии. Нам: «Держитесь, мы на подходе», а они орут в ответ: «Давай, давай, русский, подходи! Мы тебе покажем ближний бой!» Нас разделяло метров пятнадцать, наверное...

Нечай тряхнул головой, отбрасывая прочь воспоминания. К чёрту! К чёрту! К чёрту! А Зеркало опять смотрит, прямо сквозь закрытые глаза. В душу. В мозг.

...Нам пора было сваливать, отходим в ранее обозначенном порядке. Бур и Хорь уже начали спускаться вниз по насыпи. Через несколько минут, когда мы уже были возле здания пожарки, по нам открыли бешеную стрельбу. Пришлось плюхнуться носом в грязный снег и лежать, боясь поднять голову. Лежали мы так минут десять. Беспорядочная стрельба начала смещаться в сторону от нас.

– Рвё-ё-ё-м!!! – заорал я и, подавая пример, первым поднялся и ломанулся в сторону зданий. Какой там боевой порядок! Какая усталость! Я так, наверное, в жизни ещё не бегал!

И всё равно меня обогнал резвый Хорь, нырнул первый в ворота и сразу же свалился за груды кирпичей. Я, отпрыгнув, упал возле дыры в полуразрушенном заборе. За мной бежал Бур. По пятам за ним, буквально в нескольких сантиметрах, проследовали фонтанчики от пуль. Он нырнул «рыбкой» в дыру, через которую я наблюдал, чуть не сбив меня с ног, громко матерясь. Последним в группе, как всегда, бежал Кузьма. Добежал. Тоже «рыбкой» в дыру. Наши передвижения, конечно, заметили и с удовольствием продолжили обстрел. Но мы уже за забором. Хоть слабая защита, а всё же... Взяли? Вот вам...

Минут через десять к нам выдвинулись две БМП, за ними перебежками двигалась пехота.

– Вперёд!

Я обернулся. Один из наших, пройдя несколько метров, вдруг сел на землю.

– Вставай, давай, встречают вон, – сказал я, подойдя к нему.

Он виновато улыбнулся:

– Сейчас, ноги чё-то не идут, покурить бы надо...

Откуда-то появился спирт, отхлебнув прямо из горлышка, передавали бутылку следующему.

– Неразбавленный... – сказал я, сделав пару-тройку глотков...

Нечай уже не знает, куда деться от вездесущего Зеркала.

...Мы с ним сцепились не на жизнь, а на смерть. Хорошо ребята разняли. Ещё бы пара секунд и точняк – перестрелялись бы... Подошёл хмурый Сячин – командир группы. Хотел что-то сказать, это было видно по нему, но не сказал. Смерил нас обоих колючим взглядом, а потом заорал во всю глотку:

– Группа, строиться!

Мы обменялись злыми взглядами. Но уже всё. Отпустило. Чего сцепились? Я же сказал ему, что в подвале гражданские... Я же слышал их... А он всё равно гранату бросил... А там были, как мы потом увидели, только две бабы и девчонка...

Нечай понял, почему глаза девчонки, той, что сидела на соседнем месте, стали маленькими зеркальцами. Из них посмотрела на него та, другая девчонка, из подвала. У неё тоже были две косички... Тоненькие... Длинные...

Автобус остановился. Вошли – вышли пассажиры. Нечай боковым зрением осмотрел вошедших. Небритый мужчина, лет сорока пяти, в тёмном пиджаке, одетым прямо на майку, с грязным заплечным мешком. Женщина в белом платке, с мальчишкой лет четырех. Пожилая женщина с плетёной корзиной, с бледным, осунувшимся лицом. Молодая девушка, лет шестнадцати-семнадцати в хиджабе... Нечай снова закрыл глаза. Откуда-то пришло чувство тревоги. Он сначала не обратил на это внимания. Решил, что просто чего-то запсиховал: жара, шум, раздражение. Но чувство не отпускало. Наоборот, давило всё сильнее. Он вытянул затёкшие ноги, сменил позу, покрутил головой. Что-то решительно ему не нравилось, но что именно, Нечай никак не мог понять. Девчонка в соседнем кресле спала, положив голову на колени к матери. Женщина видимо тоже спала, во всяком случае, глаза её были закрыты. Нечай уже внимательно оглядел салон. Многие теперь дремали, укачало, да и жарко – сморило.

– Что? Что не так? – опять я спрашиваю себя. – Калиныч, чё молчишь? Как думаешь?

– Да фигня какая-то... Сам не пойму... Но что-то не так...

– Ёшкин кот, это плохо... – мне совсем не понравился его ответ. – Калиныч, ты умный, давай, думай, что тебя так встревожило?

– А кто ж её маму знает... Сам-то чё думаешь?

– Пока ничего не думаю... Но что-то внутри напряглось и не отпускает...

– Может проверка документов будет? – предположил Калиныч, – Скоро город...

– Может, – отвечаю, – а может ещё что-то... – Замолчали. – Что? Ну что же не так? – мысль не уходит.

Он постарался отвлечься. Тщетно. Тревога нарастала. Он понял, что что-то будет, но не знал, откуда придёт это что-то. Как тогда...

...Всё как обычно... Утро... Лёгкий морозец... Вышли. Много войск, шума, суеты, а толку – мало. Мы на БМДешке приютились. Двигаемся вторыми, перед нами танк с сапёрами. И вот тут возникло такое же чувство, как сейчас: знаю, что что-то случится, только не знаю что. Чувство мерзкое, противное... Не страшно, нет. Муторно, оттого, наверное, что не знаешь, чего ждать. Получен приказ по радио: «Стой!» Встали. Метрах в пятидесяти за танком. К нам быстро бежит офицер-танкист, орёт дико. Матерится по-чёрному. Не добежал метров десять, показывает нам, удивлённым, чтобы посмотрели вниз, под себя.

Свешиваемся в указанную сторону. Прямо подо мной гусеница на «прищепке», от неё отходят провода к кювету... Наши рожи надо было тогда видеть...

Зеркало бокового вида у водителя показало ему, что он немного изменился в лице. Впрочем, это уже не имело никакого значения. Ни для кого. Всё равно никто ничего не поймёт. И возможно уже никогда. Девушка. Красивая, молодая. Немного странно одетая для такого жаркого дня. Немного грустная. Немного бледная. Нечай понял, ЧТО НЕ ТАК! ВСЁ! ВСЁ НЕ ТАК! Он увидел её глаза. И он понял. ОН ПОНЯЛ! Времени на раздумье было мало. Просчитать её действия практически невозможно. Хотя тут же приглушенно зашептал горячо в самое ухо Калиныч:

- Братан, ты тоже врубился? Кажись, писец...
- Врубился... – ответил я ему тихо. – Спокойно, может...
- Что может?! – взвился Калиныч. – Шансов – ноль!

Тот, без имени, который помнил маму и Ирину, подавленно молчал. Я был рад, что не один. Один я бы растерялся. Но Калиныч не даст мне растеряться. Он секунду-две помолчал, видимо оценивая обстановку, потом заговорил быстро, и голос его был так похож на голос Хоря.

– У тебя есть время... Мало, но есть.... Думай.... Думай, Серый. Она ждет, когда подыдем. На автовокзале будет много народу... Короче, у тебя десять минут... Спокойно, – осадил он меня, когда я было дёрнулся. – Шанс не велик. Всё равно рванёт. Разнесёт всех к чертям собачьим! Да, да, и её тоже.... Не косись... – он заметил мой взгляд на спящую девочку. – И вот того пацаненка с мамашей, и бабуся, и вот тех.... И вот этих... Короче, чё я тебе рассказываю, сам всё понимаешь.... Думай!

– Легко сказать: «Думай!» Калиныч, ты охренел что ли? Что я могу? Даже если я её сейчас вырублю, всё равно ведь успеет, сучка!

– А вдруг не успеет? – Калиныч рисковый. – Эх, – мечтательно протянул он. – Нечай, где твой ножичек-то? Эх, туха-матюха.... А сейчас он бы тебе пригодился бы.... Так ведь?

– Калиныч, ты дело говори...

– Это ты думай, голова, шапку куплю! Время-то тикает. Тик-так, тик-так.... Ба-а-бах! И вы уже в раю... – он заржал. – Думай, Нечай, у тебя голова большая...

Тот, который без имени, вдруг спросил меня:

– Серёга, что погибнут все?

Я удивился, что он вообще ещё тут. Думал, что сразу испарится, когда запахнет «жареным». Ан нет.

– Все... – отвечаю. – Ну, или почти все.... Вряд ли у неё какая-нибудь «пукалка». Ахнет – мама не горюй! Сказал бы тебе: «Вали быстрее отсюда, пока цел!» Но я же понимаю – ты в зеркале. Сейчас как всё это ёкнется, от тебя и пыли не останется вместе со всеми зеркалами, вместе взятыми.

А время тик-так.... Тик-так...

Хорошо, что свободен проход. До неё – мой один прыжок, ну, если хорошо постараться. Только что это мне даёт? А ничего не даёт! Хотя кто знает... Кто знает... Выбор-то всё равно не большой.

Я поднялся. Больше медлить нельзя. Уже издалека видно автовокзал. Ё... Наро-о-ду-у. ... У меня две-три минуты.

– Братан, тормозни тут... Я выйду...

Шофёр обернулся на меня. Если он тормознёт, будет хоть какой-то шанс! Она будет ждать.

– Будет... – подтвердил Калиныч. Он собран, похож на взведённую пружину. Вон он, народец-то, на автостанции, а здесь одна твоя морда собралась выходить. Нечай, а ты молодец, соображаешь! У тебя есть шанс! Попробуй вытолкнуть ее из автобуса...

...Надежда Юрьевна опять подошла к окошку, за которым что-то писал дежурный сержант.

– Мамаша, – он поднял голову, – ну я же уже вам объяснил всё! Погуляет – вернётся, ну, а если через три дня не объявится, придёте, напишите своё заявление...

– Да поймите, он не погулять пошёл! Он... он... ну надо же искать его!

Милицейский сержант вздохнул тяжело, чувствуя, что ещё немного, и он не сдержится.

– Гражданочка, шли бы вы домой, может он уже дома давно, а вы тут мозги мне полоскаете!

За его спиной работал телевизор. Жужжала, ударяясь о стекло, муха. Надежда Юрьевна отошла от окошка, но не стала уходить. Опять присела на стул.

– Запарила, блин, тётка... – тихо пожаловался сержант напарнику.

– Да не обращай внимания, тут таких много ходит.... Ну-ка, звук прибавь.... Опять, блин, чегой-то стряслось что ли?

Сержант сделал звук громче.

– ... находившиеся в автобусе пассажиры серьезных ранений и травм, к счастью, не получили, но предотвративший взрыв пассажирского автобуса неизвестный погиб вместе с террористкой-смертницей. При нём не было обнаружено никаких документов. Фоторобот составлен со слов очевидцев. Если кто-то может дать какую-либо информацию об этом человеке, просьба позвонить по указанным на экране телефонам или по телефону 02...

Надежда Юрьевна без звука сползла со стула на пол.

– Ё-моё, Андрюха, чегой-то с твоей тёткой? – вскочил напарник. – Давай, звони, блин, в «скорую»! Ещё не хватало, чтобы она тут «коньки отбросила»! Быстрее, чего смотришь?!

За происходящим бесстрастно наблюдало со стены овальное Зеркало. Оно было спокойное. Ему незачем было волноваться. Оно пока не знало, кому ещё показать свои картинки, но кандидатов было много.

Когда сбываются мечты...

Было без четверти двенадцать. Макс стоял у витрины роскошного магазина, не в силах оторвать взгляда от этой радостной феерии разноцветного безумия новогодних огней. Падал снежок, искрясь в ярком свете фонарей, реклам, огней наряженных повсюду елок и елочек. Народ стремительно исчезал с улиц, торопясь, кто в гости, кто домой, в тепло и уют, пахнущий хвоей и неизменными мандаринами. Магазин был круглосуточный и Макс не боялся, что он закроется. Что, что же выбрать в подарок? Он мучительно прикидывал и так и этак, решительно ничего не получалось, подарок должен быть невероятным, особенным, совершенно особенным, но идея, приходящая в голову, через минуту казалась ему нелепой. И вдруг..

...Вдруг ему стало так тоскливо, что как-то сразу стали меркнуть и яркие витрины, и неоновая реклама, и украшенная новогодними огнями елка на площади перед магазином, и разноцветная карусель фонариков. Все потускнело и будто перестало существовать для него, потому что одна мысль, всего лишь одна мысль пришла ему в голову, но такая, что сразу праздник перестал быть праздником, а Новогодняя ночь Новогодней, превратившись в еще одну безнадежную и непроглядную, как все ночи за последний год, такой страшный в его и ее жизни. В его голове всплыли картинки прошлого Нового года, из той, теперь уже почти забытой жизни, когда все было так хорошо и беззаботно. Марианна, в красивом платье, неизменный вкуснейший пирог, радостные счастливые лица... Все разделилось на прекрасное до, и страшное после. Красота, молодость, любовь и жизнь – до и болезнь, и смерть – после. ... И уже ничего нельзя изменить. Макс уже знал, что наступающий год – последний год в ее жизни, и именно это сейчас и пришло ему в голову. Он помнил ее другой. Она была у него красавица, высокая, статная, с копной густых темных волос, роскошными волнами спадающими на круглые плечи. Глаза. ... Таких глаз больше нет ни у кого, они такие теплые, и такие глубокие, эти два синих озера, в которых Макс тонул ежедневно и ежечасно. Просто даже описать ее красоту Макс не смог бы, потому что у него не хватило бы слов, он просто смотрел на нее и жил каждой черточкой ее лица и тела. Ему стало не по себе оттого, что мысли о ней стали в прошедшем времени. Впрочем, у него было ощущение, что и сам он уже в прошедшем времени.

– Знаю! – он, наконец, оторвался от заморозившей его витрины. – Куплю ананас! Большой, с хвостиком, как она говорила... Она всегда любила ананасы!

Стало совсем уж тошно, вот тебе и необыкновенный подарок, ругнулся тихо, но зло, и шагнул за порог. Девушка за прилавком удивленно оглядела его, усмехнулась, хотела что-то сказать, но промолчала, натолкнувшись на его колючий взгляд. Он бережно прижал ананас, крупный, как ему и хотелось, к груди, пробормотал какие-то слова благодарности, расплатился и, не дожидаясь сдачи, поспешно вышел.

– Странный какой-то... – пожал плечами девушка.

– Почему это? – удивилась ее напарница.

– Да взгляд какой-то у него, не знаю... не нормальный...

– Может обкуренный или успел надраться... – она презрительно хмыкнула, – тоже решил себе праздник устроить, ананас самый большой выбрал!

...Макс шел быстрым шагом, стараясь успеть к бою курантов домой. Если она не спит, так хоть поздравит ее с наступившим годом, вложит в худую, почти прозрачную ладошку плитку шоколада, прильнет к исхудавшей щеке и шепнет в ухо:

– С новым годом, любимая... – и протянет «хвостатый» ананас.

Он вздохнул. Его мечта о необыкновенности Новогодней ночи и подарка растаяла. Какие тут необыкновенности! Он уже знал, что если боль отступит, то несколько минут у них будет, что скажет он ей в эти минуты? У него стали невольно в голове складываться строчки, он

пожалел, что нет с собой карандаша или ручки, чтобы записать, все равно пока дойдет, стихи рассыплются в голове, и он не сможет их собрать, чтобы прочесть ей:

Никто и никогда в ночь новогоднюю,
Не получал в подарок звезд букет,
Готов пройти я через преисподнюю,
Лишь чтобы подарить тебе их негасимый свет.
Мерцанье звезд в том сказочном букете,
Пусть говорит тебе так много о любви
О чем мечтаю я на этом свете?
Живи, любимая, пожалуйста, живи!

...Визг тормозов заставил его вздрогнуть и обернуться. Белая тонированная «десятка» сбила мужчину. Он упал, по снегу покатались оранжевые апельсины. Но в новогоднюю ночь повезло мужику, видимо, водитель только слегка зацепил его.

– Козел! Куда ты прешь под колеса!?! – заорал упитанный, розовощекий малый, открывая дверцу. – Живой?

Мужик барахтался в сугробе, силясь подняться.

– Урод... – дверца захлопнулась и белая машина укатила.

Макс тоже было двинулся дальше. Но потом, еще раз обернувшись на упавшего, направился к нему. Будто что-то толкнуло его... Мужичок был средних лет, какой-то серенький, невзраченький очкарик, в довольно потрепанной одежке. «Лох» – так бы его назвали в нынешнее время.

– Вам помочь? – Макс протянул ему руку и помог подняться. – Сильно ударились? Может нужно в травмпункт?

– Нет, нет, благодарю вас, молодой человек, очень любезно было с вашей стороны уделить немного внимания моей скромной персоне...

Макс подал ему слетевшую шапку, помог отряхнуться и собрать раскатившиеся апельсины. Мужчина все говорил слова благодарности, да так интересно, такими словами, какими только в книгах пишут: «будьте добры», «столь любезны», «весьма признателен», «премного вам обязан»... Макс усмехнулся.

– Пойдемте быстрее... Вам далеко? Без пяти двенадцать уже, опоздаем на Новый год...

– Ну что вы, молодой человек, на Новый год опоздать невозможно, так же как нельзя опоздать на жизнь. Ведь независимо от того, где мы находимся сейчас с вами, Новый год все равно наступит, и будет падать уже прошлогодний снег...

– Ну, да, и придется нам пить шампанское прямо здесь, на улице...

Мужик улыбнулся. Макс с удивлением отметил про себя, как поразительно изменилось его лицо. Будто озарилось этой улыбкой. Глаза заблестели каким-то лучистым светом, и что-то удивительно теплое растеклось в груди у Макса, впитывая эти непонятные флюиды. Появилось чувство, что он знал этого человека всю свою жизнь и этот человек необыкновенно дорог ему.

– Послушайте, а давайте зайдем к нам, – Макс захотелось, чтобы в Новогоднюю ночь к ним зашел гость, ведь с тех пор, как Марианна слегла, порог их дома переступали ну разве что врачи со «Скорой», а в последние месяцы, как Макс научился сам колоть обезболивающие, так и вовсе визитеры стали редкостью.

– Вы действительно меня приглашаете, юноша? – мужчина сквозь стекла очков пристально посмотрел на Макса своими ясными серыми глазами.

– Конечно, раз судьба нас столкнула, это же неспроста, кстати, вы не сильно ушиблись?

– Да нет, немного крылья помялись, да испугался самую малость, больше от неожиданности... – он улыбнулся.

- Ну идemте, а то действительно к бою курантов опоздаем... А как вас зовут?
- Андрей Иванович... А как вас звать-величать?
- Я – Макс... Максим...

Они ускорили шаг.

Вошли в квартиру они как раз на последнем ударе курантов. На улице «забабахал» салют, веселились новые «хозяева жизни», впрочем, в этот момент веселились, пожалуй, и «слуги», разливая – кто по фужерам шампанское, кто – по стопарикам водку, кто-то может и «паленую», кто – по грязным стаканам самогон. Страна встречала Новый год. – Макс вдруг похолодел. Он совсем не сказал своему новому знакомому о состоянии Марианны, и это могло его просто шокировать и тогда станет неловко всем и ему, и гостю, и главное Марианне.

– Андрей Иванович... Я не сказал, извините, Марианна... она... она больна... у нее рак... – взволнованно зашептал Макс в ухо гостю.

– Не беспокойся, все в порядке, – Андрей Иванович легонько сжал руку Макс, – успокойтесь, друг мой,... – и присел на предложенный стул.

Марианна глаз не открыла, видимо, спала. Макс склонился над ней.

– Любимая, просыпайся, Новый год пришел и хочет тебя видеть! Солнышко, проснись...

Но она не пошевелилась. Он не уловил ее дыхания и Макс почувствовал, как холодеет что-то в сердце. Предательски задрожали руки.

– Господи, только не это!! – он схватил ее за руку, рука была теплой.

Облегченно вздохнув, Макс опустил руку, будто обессилив, рядом на постель.

– Уф-ф... Я испугался... – он не договорил, а лишь опустил голову.

Андрей Иванович молчал, оглядывая небольшую комнату, в которой оказался волею случая. Он поежился, будто от холода.. Все внешне было весьма пристойно, комната была очень и очень скромная, но чистенькая, уютная, все на своих местах. Правда то, что на тумбочке лежало множество коробок с лекарствами, шприцы, какие-то пузырьки и рядом стояла инвалидная коляска, прикрытая пледом, всё это производило гнетущее впечатление. И еще запах... Даже сквозь новогодний запах мандаринов все же ощущался запах лежачего больного, и его не смог заглушить работающий очиститель воздуха.

Рядом с постелью небогато, но красиво был накрыт небольшой столик. В углу – наряжена маленькая елочка в ведре.

– Она живая, не срубленная, – поймав взгляд гостя сказал Макс. – Садитесь ближе к столу... Угощайтесь... Я думаю, она очнется в скором времени...

– Давайте пока выпьем за знакомство... – Макс распечатал бутылку шампанского, но открыл ее тихо, только пошел дымок.

Они выпили по бокалу.

– Вы спешили домой, к семье... Ничего, что немного задержитесь?

– Ничего... А скажите, Максим, давно это с Марианной? Что говорят врачи?

– Полтора года... – Макс помолчал, – химия не помогает, говорят поздно уже... Сначала было еще ничего, она могла сидеть, хоть в кресле, но двигаться, я гулял с ней, а теперь... теперь, да вы сами видите...

Он видел... Видел изможденное лицо неприятного землистого цвета, видел сбившуюся косынку, которой прикрывали облысевшую от химиотерапии голову, бескровные губы, искушенные видимо при приступах боли, видел худую шею, такую про которую говорят «цыплячья», он многое видел этот невыразительный, «серенький» человек.

Она неожиданно открыла глаза.

– Макс, ты где? – голос ее был слабым и бесконечно усталым.

– Я здесь, здесь, солнышко – Макс склонился над ней. – С Новым годом, любимая! Как ты?

Она слабо улыбнулась.

– Хорошо...

– А у нас гости...

– Гости? – она даже сделала попытку приподнять голову. – Кто? Кто к нам пришел?

Макс замешкался, не зная, как представить гостя.

Андрей Иванович подошел к ней, протянул руку.

– Здравствуйте, Марианна! Вот я и зашел к вам...

Марианна взяла его руку двумя пальчиками, тоненькими, почти прозрачными, и пожала, насколько хватило ее слабых силенок.

– Я ждала вас, ангел, я знала, что вы придете...

Макс удивленно вскинул брови.

– Что? Я не понял...

– Это ангел... Понимаешь, Макс, я знаю... Я видела... Они среди нас... И вот ангел пришел!

Глаза Марианны, только минуту назад полные тоскливой боли, заблестели. Она жестом попросила Макса приподнять ей голову. Макс приподнял ей изголовье с помощью специального механизма, которым он оборудовал для нее постель.

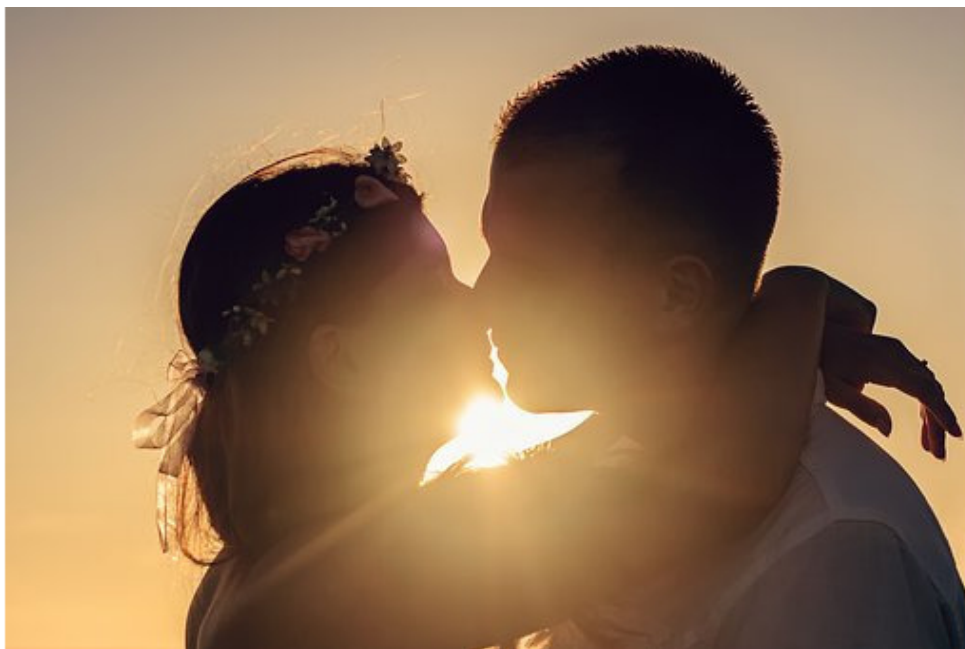
Макс умоляюще посмотрел на Андрея Ивановича и больше всего боялся, что тот не поймет его взгляда, но он все понял.

– Да, конечно, вы правы, дорогая, я – ангел... И в эту Новогоднюю ночь я пришел сюда, чтобы исполнить любое ваше желание...

Марианна закрыла глаза, ее пальцы теребили край одеяла, а губы что-то шептали.

Макс не знал, что сказать. Картина была тягостной, но в то же время, он давно не видел Марианну такой оживленной. Наконец, она вновь посмотрела на них.

– Дорогой добрый ангел, я загадала... Это не сон? Скажите, это действительно происходит в реальности?.. Макс, милый, я люблю тебя! – голос ее обычно тихий, будто шелестящий, зазвенел, как серебряный колокольчик. – Я загадала, чтобы ты был счастлив... Любимый, прости меня... – она вновь закрыла глаза, видимо силы оставили ее.

Макс сглотнул подступивший к горлу комок.

– Да, любимая, да... отдохни... – он расправил ей одеяло. – Я тоже тебя люблю...

Андрей Иванович легонько сжал его плечо.

– Простите, Максим, мне пора...

– Ах, да... – Макс подошел к столику, налил еще по бокалу. – С Новым годом, спасибо, что вы зашли...

– Ну что вы... Ее желание обязательно исполнится...

Макс взглянул ему прямо в глаза, но ничего не сказал. Выпил шампанское, гость также осушил свой бокал.

Уже у двери Макс сказал:

– Я не смогу быть счастлив без нее...

– Вы молоды, юноша... У вас еще все будет...

Макс прервал его:

– Прощайте... Будьте счастливы и будьте здоровы, и больше не попадайте под машины, это однажды может плохо кончиться...

– Действительно, – Андрей Иванович улыбнулся, протянул Максу руку. – Прощайте, Максим... Все будет хорошо, ее желание обязательно исполнится...

Макс поморщился, но ничего на это не сказал, просто закрыл за гостем дверь. Он не знал, да и не мог знать, что по лестнице в замызганном подъезде, вниз стал спускаться ангел. Настоящий. Новый год наступил, и ему пришла пора возвращаться. Они не встретятся больше никогда, и Макс не сможет ему рассказать, что Марианна поправилась, не сразу конечно, но она встала, она вернулась к жизни, она с ним, и он... он... счастлив! Он не сможет всего этого рассказать, да и зачем, ведь ангел и так это знает.

Нюрка

I

Все звали ее Нюркой, она этого не любила, но возражать никогда не пыталась. Аннушкой звала её только мама, но это было так немыслимо давно, будто совсем в другой жизни. Да, действительно в другой, когда у них ещё была маленькая, но по-своему уютная квартирка, красивые занавески с яркими цветами на окнах и воскресные пироги: с капустой для папы, и с яблоками для неё, Аннушки. Нюрке порой казалось, что эту квартирку и эти пироги, и маму, тоненькую, нарядную и улыбающуюся, и папу, такого большого, сильного, но доброго, она попросту сочинила себе, а на самом деле их никогда не существовало. Абсолютно. И тогда, если эта чудовищно жестокая мысль приходила в её голову, с редкими, неухоженными волосами, она тихо начинала плакать, но так, как умела только она. Совершенно без слёз, только подрагивал немного подбородок, да руки становились противно влажными и начинали трястись. И тогда Нюрка сильнее сжимала свою метлу и бешено увеличивала темп: шш-шик, шш-шик, шш-шик, шш-шик – будто вместе с ней стервенели тугие прутья метлы. Быстро становилось жарко, она потела и вместе с потом постепенно исчезала и обидная мысль. И всё становилось на свои места: было, всё было – и мама, и папа, и квартирка, и даже полосатая кошка Дуська, которая вечно таскала котят, которых никто не мог топить, не поднималась рука ни у папы, ни тем более у мамы, и когда они подрастали, Аннушка с мамой ездили в деревню к бабушке, где их и оставляли на вольных хлебах. Раздолье: сад, огород, спускающийся к самой речке, молоко после утренней дойки пятнистой Зореньки, и полная сараюшка мышей. Чем не красота? Нюрка улыбнулась воспоминаниям, поправила сползающий платок, стала собирать сметённые листья в мешок. Она любила осень, и раннюю и даже как сейчас, позднюю, только поздней осенью она плакала больше, потому что грустные мысли приходили чаще. И еще поздней осенью было холоднее. Зябли руки. Нюрка не любила перчаток; она ворчала, но деваться было некуда – надевала. Она улыбнулась нехитрым своим мыслям: управилась пораньше, можно будет и на дачу сбежать. Ну, дача, это конечно, сильно сказано. Так, клочок земли, где умещались-то ровно четыре грядки с помидорами, две – с огурцами, два куста смородины и молоденькая вишенка, да ещё Нюрка умудрилась выкроить место для зелени, она бы и для цветов нашла местечко, да Анатолий выматерил её на чём свет стоит и повыдрал без жалости уже принявшуюся было красу и велел посадить на этом месте чеснок. Любила ли Нюрка Анатолия? Да кто ж поймёт-то? Наверное, ведь любила когда-то...

– Здравствуйте, милые, здравствуйте, красавицы! – нежно не проговорила – пропела счастливо улыбающаяся Нюрка. Это она приветствовала свою смородину и тоненькую вишенку. – Как вы тут без меня? Замерзли, поди?

Она всплеснула руками:

– Батюшки, ну что за народ, ну что за сволочной народ! – голос у Нюрки задрожал от обиды. Она увидела вываленную прямо под забор большую кучу мусора: битые бутылки, какой-то строительный хлам и порванные пакеты с бытовыми отходами.

– Что ж это? – она покачала головой. – И как же живут эти люди? Тьфу, пропасть! – недовольно бурча, Нюрка достала припрятанный ещё при прошлом визите мешок, и стала собирать наваленную мусорную кучу иногда восклицая: «Нет, ну не гады, а?»

За достаточно долгое время своей работы дворничихой, Нюрке давно было бы пора привыкнуть к тому, что любит, ох как любит народ, ну, скажем так, посвиничать... И не только бомжи или пьющие товарищи, а очень даже уважаемые граждане. И не однажды Нюрке доводилось слышать, например, от ухоженной дамочки в перчаточках и шляпке, в ответ

на замечание: «А почему это вы, гражданочка, мусор-то до „мусорки“ донести не соизволили, а прямо вот тут и бросили свой пакет?» обидное: «Чи-и-и-во?! А не пошла бы ты к такой-то матери, дура необразованная, чмо квартальное!!» И из окон сограждане любят мусор вываливать, и у подъезда... Так что Нюрка возмущалась так, для проформы, совсем не испытывая гнева – давно привыкла.

– Сволочьё, хай бы у вас руки отсохли! – она схватила коробку с каким-то тряпьем и уже собралась засунуть её в мешок, но услышала какие-то звуки, сначала неясные, а через мгновение превратившиеся в тоненькое, но отчаянное мяуканье. Она поставила коробку и размотала тряпки. Из коробки испуганно вытаращились на неё три котёнка, на какой-то миг даже замолчав.

– Ё-моё... – Нюрка покачала головой. – Вас ещё не хватало!

Котята дружно, в один голос, замыкали. Они были совсем крошечными и видимо здорово замёрзли и проголодались, во всяком случае, пищали они истошно.

– Ну не сволочи, а?! – неизвестно кого вопрошала Нюрка, она даже о мусоре забыла. – Ну и куда я вас дену, подкидышей? А действительно, куда? – задумалась Нюрка. – Да не орите вы! – цыкнула она на котят, что впрочем, не возымело никакого действия на орущих, ведь они увидели человека и теперь, толкая друг друга, по головам собратьев, каждый стремился выбраться из коробки – там человеческие руки, а значит, возможно, еда, тепло, жизнь.

– Господи, ну чего делать-то с вами? – Нюрка даже растерялась. – Холодно уже, околете, хотя эти курвы, хозяйева ваши, и припёрли вас сюда, чтоб вы околели! Эх... – она долго ещё бурчала и костерила жестоких людей, обречших несчастных котят на холодную и голодную смерть. – Лучше б сразу утопили, чтоб не мучились! – Нюрка запихала всех троих за пазуху.

Котята сразу испуганно притихли. – Может в общаге кто возьмёт? – сказала Нюрка сама себе, хотя отлично знала, что этого не произойдёт.

Дома она первым делом согрела им молока, покрошила в миску хлеба. Котята, отогревшись и прекрасно понимая, что сейчас их покормят, орали ещё громче, один, серый, даже охрип.

– Да заткнитесь вы, ироды! – беззлобно бурчала хмурая Нюрка, она торопилась, пока не пришёл Анатолий, покормить их и, если удастся, куда-нибудь пристроить.

Котят ели жадно, но один, рыженький, очень плохо, видимо, едва научился. Нюрка в сердцах плюнула, но взяла его, стала кормить отдельно, с рук. Он смешно тыкался маленькой усатенькой мордашкой ей в ладонь и дрожал от радостного возбуждения всем телом.

– Ух, ты лапонька! – она не удержалась, чмокнула его в мокрый носик. – Полосатик рыжий, Рыжка...

Котят быстро разморило: наелись, согрелись. Они уснули прямо на полу, тесно прижавшись друг к дружке. Нюрка посмотрела на них, покачала головой.

– Горемыки, куда ж вас?!

Она принесла хорошую, вместительную, закрывающуюся коробку, постелила внутрь мягких тряпок. Уложила их туда осторожно, стараясь не разбудить, прикрыла и задвинула под кровать. Потом побежала по этажам предлагать людям обзавестись хорошеньким, маленьким, умненьким котёночком. Разумеется, желающих не нашлось.

Нюрка знала, что у себя котят нельзя оставлять, Анатолий на дух не переносил никакую животиночку и был до крайности жесток к нашим братьям меньшим. Почему, Нюрка не знала, но то, что однажды он с пьяными собутыльниками убил, сварил и съел на даче прикормленного ею брошенного щенка, она помнила до сих пор.

– Замолкни, дура! – грозно грохнул он кулаком по столу, когда она попыталась было усюветить его. – Мяса нам захотелось... И... этого, как его, туберкулёза не будет, чего разоралась-то! Страх чтоль забыла или зубы лишние? Ишь, раскудахталась! Замолчь, сказал...

Нюрка умолкла, только ушла подальше и долго плакала.

...Анатолий ввалился шумно и как зачастую навеселе.

– Жрать давай! – с порога рявкнул он.

– Не в духе... – подумалось Нюрке, и тут же она вспомнила про котят. – Ох, опять скандал будет... – она вздохнула.

Но коробку из-под кровати не было видно, а котят мирно спали, после перенесённых мытарств, и у неё затеплилась надежда: авось пронесет...

– Уснёт, а я их куда-нибудь определю...

Не пронесло. Сначала-то всё сложилось, как нельзя лучше.

– Опять картошка! – недовольно бурчал он.

Нюрка понимала, что ищет повод придрататься. Выставила початую бутылку самогона. Лицо Анатолия просияло.

– Вот, давно бы так! Вот это я понимаю, встречаешь мужика с работы...

«С какой работы... – с тоской думала Нюрка, глядя украдкой на Анатолия. Прямых взглядов он не выносил. – Ты уж три года то лежишь на кровати, то „квасишь“ с дружками, а то вовсе в запой уходишь на неделю-две... Работничек... – она выругалась, и тут же язык прикусила, – ну, вот, дожилась, уже и в мыслях ругань, а ведь было, было время, не то, что матерного, дурного-то слова и то не говорила. Не хорошо это...»

Нюрка вздохнула: опять ведь, если что не так, с «фонарём» под глазом ходить.

Анатолий после еды и добавочной солидной дозы «горячительного» уснул довольно быстро, без обычных придинок. Нюрка мысленно похвалила себя, что вовремя вспомнила про припрятанную поллитровку. Вот и пригодилась, в кои-то веки пользу принесла. А вот пристроить котят пока не получалось. Нюрка решила, что утро вечера мудренее, вряд ли ночью котят разбудят Анатолия, он пьяный крепенько спит. А утром на работу рано. Она пойдёт, и коробку с собою захватит, а там – видно будет. Но вышло всё не так. Эх, рыжий, рыжий... И чего тебе не спалось в тепле и уюте в удобной коробке, бок о бок с собратьями?! Он выбрался из коробки и жалобно-жалобно мяукал, тоненько и пронзительно. То ли проголодался, то ли по мамке соскучился, как знать... Нюрка быстро вскочила со своего матрасика в углу, уж так повелось, что когда Анатолий в сильном подпитии, Нюрка ложилась на полу. Всё равно покоя не даст, а так – от греха подальше. Вторую кровать поставить не позволяла теснота 16-ти метровой

комнаты. У неё и мебели-то всего было: железная кровать, на которой сейчас заливисто храпел Анатолий, старый казённый шифоньер, кухонный стол, два табурета, маленький телевизор на тумбочке и холодильник «Саратов». Вот и вся нехитрая обстановка.

Рыжий горько жаловался на судьбинушку, дрожа всем крохотным тельцем. Нюрка быстро взяла его к себе, не ровен час, всех перебудит, распищатся все трое, так и хозяин, не дай Бог, проснется! Рыжий быстро пригрелся у Нюрки под боком, сладко засопел, а через какое-то время даже запел длинную-предлинную кошачью песню, да так громко, что Нюрка удивилась: «Во даёт, ишь, урчит, как трактор!» Волна забытой нежности подкатила к сердцу. Она бережно баюкала крохотное живое существо, такое милое, беспомощное, доверчиво прильнувшее к ней. Она почувствовала на щеке слезу и немало удивилась, ведь она давно забыла, что такое слёзы. Она умела плакать сердцем, но глаза при этом оставались сухими.

– А вот надо же, – она улыбнулась, правда улыбка получилась горькой, – слезу выжал, эх, Рыжка, оставить бы тебя...

Котёнок пел ей свою песенку. О чём? Да жаловался, наверное, как по мамке скучает. Нюрка тоже скучала по мамке. Взрослая такая тётка, а вот тоже, представляешь, кошак, соскучилась. Та авария проклятая, тогда, много уже лет тому назад, Нюрка совсем молодая была, восемнадцать едва исполнилось, оставила её совсем одну на белом свете. Папка он-то сразу погиб, а вот мама... Операцию такой сложности тогда могли делать только в Москве, и это стоило немалых денег, а где взять-то? Вот и продала Аннушка их маленькую уютную квартирку. Мама после операции ещё полгода жила... Целых полгода... Или только... Нюрка вздохнула, воспоминания заставили сердце неприятно сжиматься. А потом... Да что потом, лихие девяностые не оставили ей никакого шанса. Оставшиеся деньги сторели, выучиться не смогла, какая учёба, если жить негде... Сначала снимала квартиру, а как фабрику закрыли, так вовсе стало туго. Вот тогда в её жизни и появился Анатолий. На тот момент он просто спас её: и кров дал, и тепло, и ласку. Отогрел сердце... Нюрка опять вздохнула, ну что ещё за вечер воспоминаний,

завтра чуть свет на работу! Эх ты, Рыжка, вот растеребил душу.... А рыжий котёнок всё пел ей свою песню.

Ведь не так сначала-то всё было, не так... Он жалел её, не обижал, всё говорил: «Как скажешь, так и будет...» Это из тюрьмы, из тюрьмы он другим вернулся! А ведь она ждала его, все шесть лет ждала! Комнатку вот получила от ЖЭКА, куда устроилась дворником. Его-то как с завода уволили, так и комнату отобрали. Освободился, а куда податься-то? Думала, отогреет его, вернётся всё на круги своя. Любви-то особой и не было у них, ну как та, что в кино, ну или там, в книгах, а не чужой же человек, родной, да и не плохой он был, Анатолий-то. И не пил много, а уж чтоб ударить.... А тут как с цепи сорвался.... Работать не брали, нормальные-то мужики и то с трудом устраивались, а уж судимый... Он поначалу вроде как расстраивался, или это Нюрке казалось, а потом и беспокоиться перестал. Кормит-поит баба, чего ж ещё-то? Вроде как даже помогал поначалу, особенно зимой, тяжело ломом лёд долбить, да тележку с песком таскать, а потом решил видать, что не царское это дело. Он ведь в подпитии не раз говорил, уставившись на Нюрку мутными глазами: «Я буду, как царь жить, слышь, ты, стервь, как царь!» Постепенно он даже и по имени перестал её звать, то стерва, то корова тощая, а зачастую просто по-матерному. Правда, после того, как однажды, не взвидя света белого, после очередного скандала с побоями, заперлась Нюрка в душевой, и не в силах больше терпеть всё это, вскрыла себе вены, так целый месяц Нюрушкой-голубушкой называл, как выпи-салась она из больнички. Усмехнулась Нюрка, вспомнив его побелевшее лицо и трясущиеся руки, когда соседи, сломали дверь в душе, заподозрив неладное, и выволокли её чуть живую. Почти без сознания была Нюрка, а в память её чётко впечатались его лицо, склонившиеся над ней, да истошный вопль соседки Верки: «Ирод, угробил бабу!» Нюрка снова вздохнула, но потом рассердилась на себя за вдруг побежавшие слёзы; ещё чего! Не до сантиментов! Ишь, размурлыкался тут, котяра, всю душу наизнанку вывернул! Она осторожно взяла его в руки и встала, чтобы отнести в коробку. То ли слишком неосторожно ступала Нюрка, то ли просто пришло время проснуться, но только затих храп, и взлохмаченная голова Анатолия приподнялась от подушки. Нюрка замерла, а несчастный рыжий котёнок опять проснулся и жалобно замыкал. Анатолий, хоть и был ещё совершенно не протрезвевший, а совсем не глухой.

– Ты чё! – он обругал её последними словами. – Совсем нюх потеряла!? – рычал он, – А ну тащи отседова тварь эту, и чтоб я ни тебя, ни этого «кабыздоха» тут не видел, иначе башку оторву.... Поняла? – он попытался встать.

– Поняла, поняла... – поспешно заговорила Нюрка жалобно, – Спи, спи... Я унесу его, прямо сейчас унесу...

Она быстро сунула Рыжего в коробку. Слава Богу, Анатолий не стал вставать.

– Неси, неси, дура несчастная! Ещё чего удумала, только ещё тварей блохастых тут не было! – но он смягчился, видя, как Нюрка суетливо стала одеваться. – Неси...

Через пару минут он опять засопел. Нюрка в растерянности стояла у порога. Ночь глубокая, куда идти-то, а тут оставить теперь никак нельзя, а ну ещё раз проснётся, ведь теперь проверять начнёт: унесла ли? Котятка в коробке сидели тихо. Она приоткрыла тряпку. Рыжий тоже угомонился, пристроившись к собратьям.

Нюрка вынесла коробку в общий коридор. Разве что тут оставить? До утра не так уж и много времени, ну кому помешают спящие котятка? Занесла в сушилку. «Тут уж точно ночью никто не ходит, до утра поспят здесь, а утром придумаю что-нибудь...» – решила, немного успокоившись, Нюрка. По подоконнику сначала тихо, а потом всё сильнее и сильнее застучало. Начался дождь. Осенний. Нудный. Нюрка подошла к окну, и некоторое время смотрела на улицу. Дождь. Тусклый свет одинокого фонаря. Холодно.

II

Она проснулась, будто кто её толкнул. Вскочила, как шалопутная, ещё не совсем очнувшись от сна. Приснилось что-то тревожное. Полшестого утра, ещё темно. По прежнему шёл дождь, но он уже не громко барабанил по подоконнику, а нудно шелестел за окном. Анатолий спал на спине, некрасиво раскрыв рот. В комнатке стоял стойкий запах перегара. Нюрка хотела было открыть форточку, но передумала: холодно, ещё простудится. Быстро оделась, на работу можно было не идти – дождь. Но она хотела побыстрее решить уже что-то с котятками. Может пока к слесарям в подсобку поставить? Сжальтся, поди, не выбросят на погибель... Подрастут, а там может и возьмёт кто, а нет – так нет, зиму как-нибудь, а по весне – на улицу, на вольные хлеба... А уж убрать за ними, да покормить Нюрка всегда готова, не боярыня...

«Ох, не знаю, мастер орать, небось, будет, – думала Нюрка, накидывая старый, выдавший виды плащ. – А спросить-то всё же надо, за спрос-то известно, денег не берут...» Она вышла, стараясь не шуметь. В общаге было непривычно тихо. Видать дождь всех усыпил, уж больно хорошо спится под это шуршание за окном, обычно в это время уже кто-то копошится или на кухне или в умывалке. Нюрка вошла в сушилку и тихо охнула, не увидев на месте коробки. «Не может быть, куда ж ей деться? – удивлённо пронеслось в голове, а сердце предательски ёкнуло. – Где же малые?»

Нюрка огляделась. Нет, в маленькой комнатёнке, приспособленной жильцами для сушки белья, не было коробки. И ошибиться было невозможно. Нюрка ещё с минуту стояла в сушилке, не веря своим глазам, потом побрела по коридору к выходу. В эту минуту у неё в голове совершенно не было никаких мыслей. И было пусто на душе. Она вышла под дождь. Она не знала, куда идти и несколько минут так и стояла под его холодными струями. Вода попадала ей за шиворот, Нюрка будто не замечала.

– Кис-кис, – прошептала она, сначала тихо, а потом стала звать в голос. – Кис-кис-кис! Где же вы, Рыжик... Рыжик...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.